

Воин тумана

Джин Вулф

Воин тумана

1986

Вулф Д.

Воин тумана / Д. Вулф — 1986 — (Воин тумана)

Историко-фантастический роман американского писателя Д.Вулфа – произведение чрезвычайно увлекательное и необычное. В нем есть тайна и аромат античности, мистика и приключения, философия и сказка. Оригинальный авторский прием – повествование от имени человека, каждое утро забывающего прошедший день. Несмотря на потерю памяти после ранения, Латро сохранил природную смекалку, здравый смысл, прекрасные человеческие качества, а так же отличные воинские навыки. Аккуратно записывая на папирусе события каждого дня, он вместе с друзьями отправляется из Греции в опасное путешествие в надежде вернуть себе прошлое.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	8
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	30
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	35
Глава 7	35
Глава 8	40
Глава 9	45
Глава 10	49
Глава 11	55
Глава 12	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Джин ВУЛФ

ВОИН ТУМАНА

*С величайшим почтением и симпатией посвящаю эту книгу
Геродоту из Галикарнаса*

*«Сперва защитники храма Деметры щитами и собственной грудью
заслонили святилище; но редели их ряды, и вскоре началась ожесточенная
и долгая рукопашная схватка...»*

Геродот

*Эта книга – чистейший вымысел, основанный, однако, на реальных
событиях 479 г. до н.э.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Года два назад в подвалах Британского музея под ящиками с коллекцией римских монет обнаружили урну со свитками пергамента, который, видимо, так никогда и не был использован. Музей решил оставить урну себе, а свитки – продать с аукциона, и в каталоге фирмы «Сотби» они числились как «Лот 183. Чистые папирусные свитки; возможно, из запасов египетского книготорговца».

Пройдя через многие руки, они попали наконец к некоему мистеру Д.А., торговцу и коллекционеру из Детройта, который заподозрил, что внутри деревяшки, скрепляющей листы, может быть что-то спрятано. Он сделал рентгеновские снимки свитков, и оказалось, что деревяшки отнюдь не полые, однако первый лист одного из манускриптов (так называемый *protokollon*) весь исписан чрезвычайно мелким почерком. Чувствуя, что находится на пороге настоящего библиографического открытия, коллекционер обследовал свиток с помощью сильных линз и обнаружил, что не только первый, но и все остальные листы с обеих сторон покрыты мельчайшими бледно-серыми буквами, которые сотрудники Британского музея и фирмы "Сотби" явно сочли просто грязными пятнами. Спектрографический анализ показал, что на папирусе писали острым "карандашом" из свинца. Зная, что я интересуюсь мертвыми языками, владелец свитков попросил меня попытаться перевести этот текст. Результат моего труда и представлен ниже.

За исключением небольшого отрывка на вполне сносном греческом, первый свиток составляют записи, сделанные на весьма архаичном латинском языке, причем без знаков препинания. Автор текста, который сам себя называет "Латро" (слово "латро", или "латрон", может иметь значения "разбойник", "повстанец", "наемник", "стражник" или просто "рядовой воин, солдат"), имел прямо-таки катастрофическую склонность к сокращениям – я не шучу, ибо он явно способен был писать целиком лишь самые короткие слова, да и то не всегда, а стало быть, некоторые из его сокращений вполне могли быть поняты мною неверно. Читателю следует также помнить, что все знаки препинания я расставлял сам. Я также ввел в текст некоторые поясняющие детали – автор лишь кое-где намекает на них – и постарался полностью воспроизвести все диалоги, ибо они записаны весьма кратко.

Для удобства чтения я разбил текст на главы – по возможности в тех местах, где этот "латрон" сам прерывает свое повествование. Главы я называл соответственно содержанию каждой, а иногда – по первому предложению главы.

Что касается имен и географических названий, то я старался следовать за автором текста, который порой записывал их на слух, но чаще переводил на понятный ему язык, если

понимал смысл данного слова (или ему казалось, что понимал). Так, "Башенный холм" – это, скорее всего, Коринф (так мы и будем называть его), а "Долгий берег" – безусловно, Аттика. В некоторых случаях Латро явно ошибался. Он, видимо, слышал, как речь некоторых не слишком разговорчивых, сдержанных на слова людей называют лаконичной (от греч. *laconismos* – краткое и четкое изложение мысли), и решил, что Лакония¹ – это «Страна молчаливых». Что же касается его ошибочного перевода названия главного города Лаконии греческим словом «веревка, канат» (звучание которого весьма похоже на «Спарту»)², то эту ошибку совершали многие люди его времени, умевшие лишь говорить на греческом.

Похоже, Латро в какой-то степени знаком был и с некоторыми семитскими языками, а на греческом говорил совершенно свободно, однако же либо совсем не умел читать по-гречески, либо читал очень плохо.

* * *

Несколько слов о той культурной среде, в которой очутился Латро, когда начал вести дневник. Обитатели этих мест называли себя отнюдь не «греками», как, впрочем, и жители современной Греции. Они не придавали особого значения одежде, хотя в большей части их полисов женщине не подобало появляться в общественных местах совершенно обнаженной, тогда как мужчины делали это весьма часто. Завтракать было не принято; и если накануне человек не слишком злоупотребил выпивкой, то вставал он на рассвете, однако первая трапеза состоялась лишь в полдень, а вторая – вечером. В мирное время даже детям в воду добавляли вино; во время же войны воины бывали страшно недовольны, если им приходилось пить просто воду.

В Афинах ("мысль" – греческое значение этого слова) преступность цвела махровым цветом, хуже чем в Нью-Йорке, так что афинский закон, предписывавший женщинам не выходить из дому без сопровождающих, имел целью предотвратить нападения на них. (Следует отметить, что другая женщина или даже ребенок уже считались достаточно надежной охраной.) Комнаты на первом этаже не имели окон, а грабителей называли "стенобитчиками". Несмотря на существующие ныне мифы о нравах античного общества, случаи гомосексуализма были редки и в целом осуждались, хотя бисексуальность была делом обычным и к ней относились спокойно. За охраной порядка в Афинах следили наемники-варвары, услугами которых пользовались потому, что они были менее коррумпированы, чем греки. Кроме того, варвары мастерски владели луком, что было особенно ценным при задержании опасных преступников.

Хотя греческие полисы значительно сильнее отличались друг от друга в плане законов и обычаев, чем то желает признать большая часть ученых, между ними шла оживленнейшая торговля, что и привело к некоей стандартизации денежных единиц и единиц массы. Обола³, который порой вульгарно называют «плевком», вполне хватало для уплаты за легкий обед.

Гребцы на военных кораблях получали два-три обولا в день, но, разумеется, питались вместе с командой. Шесть оболов составляли драхму ("горсть"), и умелый воин-наемник, имевший собственное оружие и доспехи, получал одну драхму за день службы; столько же получали за свои труды "жрицы любви" в доме гетеры Каллеос. Золотой статер был равен двум серебряным драхмам.

¹ Лакония (Лаконика) – территория древней Спарты, находившейся в юго-восточной части Пелопоннеса, в долине реки Эврот. Названия Лакония, Лаконика, Лакедемон, Спарта можно в данном случае считать синонимами.

² Город Спарта входил в состав нома (административно-территориальной единицы) Лакедемон.

³ Обол («копье, вертел» – в переводе с греч.; в древности на Пелопоннесе в качестве денег использовались железные прутья) – самая мелкая серебряная монета весом 0,73 г. Обол клали в рот умершим для уплаты перевозчику Харону при переправе в царство Аида (отсюда «плевком»). В переносном смысле – маленький денежный взнос.

Наиболее часто употреблявшаяся разменная монета в десять драхм называлась "сова", ибо эта птица была изображена на ее оборотной стороне. Сто драхм составляли мину; шестьдесят мин – талант, в котором было около пятидесяти семи фунтов золота или восьмьсот фунтов серебра (6000 серебряных драхм).

Золотой талант также служил единицей массы: пятьдесят семь фунтов.

Самой распространенной мерой длины был стадий, от которого образовано слово "стадион". В стадии было около двух сотен ярдов (187 м) или чуть больше одной десятой мили.

Проповедники гуманности в итоге приняли античный институт рабства, поняв, что альтернативой ему была бы массовая резня; мы, свидетели истребления евреев в Европе (холокоста), должны быть более снисходительны в своих оценках. Ряды рабов пополнялись в основном за счет военнопленных.

Первоклассный раб мог стоить не менее десяти мин, то есть примерно тридцать шесть тысяч теперешних долларов. Хотя обычно цена раба была значительно ниже.

Если среднего, довольно начитанного американца попросить назвать имена пяти знаменитых греков, то он, скорее всего, скажет: "Гомер, Сократ, Платон, Аристотель, Перикл". Так что тем, кто критически отнесется к запискам Латро, хорошо бы вспомнить: когда он писал их, Гомера уже четыреста лет не было на свете, а вот о Сократе, Платоне, Аристотеле или Перикле никто еще и слыхом не слыхивал, да и слово "философ"⁴ было тогда не в ходу.

В Древней Греции скептиками называли тех, кто размышляет (от греч. *skeptikos* – разглядывающий, размышляющий), а не насмешничает.

Современные скептики, видимо, скажут, что Латро описывает Грецию такой, какой она предстает в собственно греческих летописях и мифах. Это так и есть, и для него это было реальностью; например, когда гонец, посланный из Афин в Спарту просить о помощи перед битвой при Марафоне (490 г. до н.э.), встретил по дороге бога Пана, то по возвращении честно поведал о разговоре с ним афинскому Собранию. (Следует отметить, что спартанцы, прекрасно понимая, кто из богов правит их страной, отказались выступить, пока не наступит полнолуние.)

Джин Вулф

⁴ Термин «философия» (греч. «любовь к мудрости») восходит к Гераклиту или Геродоту, но впервые этим понятием в смысле, близком к современному, стали пользоваться лишь Платон и Аристотель, т.е. не ранее конца V в. до н.э.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1 ЧИТАЙ ЭТО КАЖДЫЙ ДЕНЬ

Пишу я о событиях самых недавних. На заре в мою палатку заглянул лекарь и спросил, помню ли я его. Когда я сказал, что не помню, он объяснил мне, кто он такой, и дал этот свиток и стиль⁵ из мягкого металла, который пишет на папирусе не хуже, чем на воске.

Имя мое Латро. Забывать его нельзя! Лекарь сказал, что я очень быстро все забываю из-за того, что был ранен в бою. Он даже назвал это сражение каким-то именем, будто оно человек, но я уже не помню каким. Он сказал, чтобы я приучился записывать все как можно подробнее, чтобы потом проверить себя, если что-нибудь позабуду.

Сперва он попросил меня что-нибудь написать ему на земле и явно остался мною очень доволен. Он сказал, что большинство воинов писать не умеют, и похвалил мой почерк, хотя заметил, что некоторые буквы я пишу совсем не так, как-он. Затем я подержал светильник, а он показал мне, как надо писать правильно. Мне его почерк, по правде сказать, показался весьма странным. Он родом из Речной страны «Египет».

Лекарь спросил, как меня зовут, но я не смог выговорить свое имя. Потом он спросил, помню ли я, о чем мы с ним вчера говорили, но я и этого не помнил. Оказалось, мы уже несколько раз беседовали, но каждый раз, когда он приходил ко мне снова, я уже все забывал. По его словам, Латро назвал меня кто-то из воинов. Своего настоящего имени я не помнил, однако сумел вспомнить наш дом и ручеек, что, смеясь, струился над покрытым разноцветными камешками дном, и рассказал лекарю об этом. Потом описал ему мать и отца – я и сейчас мысленно вижу их перед собой, – но имен их назвать так и не сумел. Лекарь сказал, что это, видимо, мои самые первые воспоминания – им, может, лет двадцать или больше. Потом он спросил, кто научил меня писать, но этого я, конечно, сказать не мог. Вот тогда он и дал мне свиток и стиль.

Я удобно устроился у раскладного походного стола и, поскольку уже записал все, что помню о беседах с лекарем, опишу теперь то, что меня окружает, чтобы при случае можно было вспомнить, где я находился.

Небо надо мной широкое, синее, но солнце еще не поднялось над палатками. Палаток огромное множество. Одни – из шкур, другие – из ткани.

По большей части самые простые, однако поодаль виднеется настоящий шатер, украшенный разноцветными кисточками из шерсти. Вскоре после ухода лекаря мимо меня на несгибающихся ногах лениво прошагали четыре верблюда, понукаемых крикливыми погонщиками, и вот только что верблюды проследовали обратно – с грузом и разукрашенные точно такими же красными и синими шерстяными кисточками, как на той богатой палатке. Верблюды подняли тучи пыли, потому что погонщики колотили их, заставляя перейти на бег.

Мимо меня торопливо проходят и пробегают воины; лица их всегда суровы.

Чаще всего это коренастые чернобородые люди. Они одеты в штаны⁶ и вышитые бирюзовым и золотым рубахи, надетые поверх чешуйчатых лат. У одного в руках копье, украшенное

⁵ Стиль – или стилос («палочка» – греч.) – металлический стержень (чаще бронзовый), острый конец которого использовался для письма на дощечке, покрытой воском, а плоский конец – для стирания написанного.

⁶ Для греков и римлян во времена античности всякий носящий штаны считался варваром.

золотым яблоком. Он – первый среди множества – взглянул на меня, и я решился остановить его и спросить, чья это армия. Он сказал: «Великого царя»⁷, и я поспешил записать его ответ.

Голова моя все еще побаливает. Пальцы сами так и тянутся к повязке – в том месте, которое лекарь мне трогать запретил. Когда я беру в руки стиль, то удержаться легче. Порой мне кажется, что все передо мной окутано таким густым туманом, что сквозь него не пробиться даже солнцу.

Ну вот, я снова пишу. До того я рассматривал меч и латы, лежащие подле моего ложа. В шлеме дыра – он так и не смог защитить мою бедную голову. А рядом моя Фальката «серповидная (лат.)» и кираса. Фалькату сам я совсем не помнил, зато ей моя рука была явно хорошо знакома. Когда я вынул меч из ножен, кое-кто из моих соседей, тоже раненных, явно испугался, так что я поспешил снова спрятать оружие. Соседи по палатке моей речи не понимают, как, впрочем, и я их.

Едва я закончил писать, как снова зашел лекарь, и я спросил у него, где меня ранили. Он сказал, что неподалеку от святилища Матери-Земли⁸, где войско Великого царя билось с армиями Афин и Спарты.

Потом я помог сложить нашу палатку. Рядом стояли мулы, на них грузили носилки с теми, кто не может идти. Лекарь сказал, чтобы я шел со всеми вместе, а если где-нибудь отстану, то должен отыскать его мула (он пегий) или его слугу (он одноглазый). Видимо, именно его одноглазый слуга выносил из нашей палатки умерших. Я сказал лекарю, что непременно возьму с собой подаренный им свиток, потом надел кирасу и опоясался мечом. Шлем мой вообще-то можно было бы продать – он ведь из бронзы, – но мне его тащить не хотелось. Так что в него сложили постельные принадлежности.

* * *

Мы отдыхаем на берегу реки, и я пишу, опустив ноги в прохладную воду.

Не знаю, как называется эта река. Армия Великого царя черным покрывалом укрывала дорогу на много стадий, и я, хоть и видел это войско неоднократно, никак не могу понять, как можно было одержать над ним победу, ведь число воинов в нем поистине несметно. Не могу я понять и того, почему воюю на стороне Великого царя. Известно, что нас постоянно преследует противник, натиск которого сдерживает кавалерия, – это я подслушал, когда мимо проезжала куда-то в тыл группа всадников и один из них говорил на том языке, каким я пользовался при разговоре с лекарем. Однако при письме я пользуюсь совсем иным языком.

Рядом со мной чернокожий человек. Он одет в шкуру какого-то пятнистого зверя⁹, а копье его украшено раздвоенным рогом. Иногда он что-то говорит мне, но если я когда-то и понимал этот язык, то теперь совершенно позабыл его. При встрече он с помощью жестов спросил у меня, видел ли я когда-либо таких же чернокожих, как он. Я молча покачал головой, и он, кажется, понял, в чем дело. Он читает мои записи с большим интересом.

Вода в реке после такого нашествия людей и животных еще долго была взбаламученной. Теперь она вновь стала прозрачной, и в ней отражается моя физиономия и физиономия моего чернокожего спутника. Я не похож ни на него, ни на других воинов Великого царя. Я показал чернокожему свои руки, коснулся ими волос и спросил, видел ли он похожих на меня людей. Он кивнул и развязал два маленьких мешочка, которые всегда носит с собой; в одном – белая

⁷ Ксеркса, персидского царя, сына и преемника Дария I; Ксеркс правил в 486-465 гг. до н.э. и продолжил борьбу за создание мировой персидской монархии.

⁸ Понятие встречается в книге неоднократно; чаще всего под этим термином понимается Гея или Деметра.

⁹ Леопард – священное животное у многих африканских народов; чаще всего шкуру его, символ царской власти, носили правители, а остальные носить ее не имели права.

глина, в другом – киноварь. Он дал мне понять, что мы должны идти вместе со всеми. Пока он объяснял это мне, я заметил у него за спиной другого человека, с более светлой, чем у меня самого, кожей. Человек этот находился в реке, и сперва я решил, что он утопленник, ибо лицо его сперва было под водой; однако он улыбнулся мне, махнул рукой туда, где уже снова собиралась в путь армия Великого царя, и тут же исчез в глубине. Я сказал чернокожему, что с места не сдвинусь, пока не запишу в свой дневник об этом речном существе.

Итак, кожа его была белее пены, а борода – черная, курчавая, сперва я даже решил, что она просто перепачкана илом. Он был плотного сложения, этакий здоровяк – в армии такими обычно бывают люди из богатых семей, а не профессиональные воины. Он был ничуть не жирный, напротив, очень крепкий и мускулистый, а голову его украшали короткие, как у быка, рога¹⁰. Глаза его искрились весельем и отвагой, он словно говорил: «Да мне любую крепость взять ничего не стоит!» Когда он махнул рукой, то вроде бы хотел сказать, что мы еще встретимся. Да и мне бы не хотелось забывать его. Река его так прохладна и спокойна! Она бежит с гор и спешит напоить эти земли.

Пусть напоит еще разок и меня, и мы с чернокожим двинемся дальше.

* * *

Вечер. Лекарь конечно же покормил бы меня, если бы я сумел его найти; но я слишком устал, чтобы идти куда-то. К концу дня я все больше слабел и еле переставлял ноги. Когда чернокожий попытался поторопить меня, я знаками объяснил ему, чтобы он шел вперед один. Он покачал головой и, по-моему, стал ругаться всякими нехорошими словами и даже замахнулся копьем, словно собирался меня ударить. Я выхватил Фалькату. Он бросил копье и подбородком (так он всегда делает) показал мне назад. Там, в лучах солнца, по равнине рыскали всадники. Их было не меньше тысячи! Четкие тени на земле были видны отчетливо, хотя самих всадников скрывали клубы пыли, вылетающей из-под копыт лошадей. Какой-то воин, раненный в ногу, которому идти было еще труднее, чем мне, сказал, что у нашего противника все пращники и лучники из рабов Спарты, и если бы некто (он назвал мне имя, но я его не помню) был еще жив, то мы легко могли бы повернуть и разбить это войско. И все-таки мне показалось, что сам он этих спартанцев боится.

Мой чернокожий приятель уже разжег костер и ушел на поиски пищи в лагерь. Я чувствую себя так плохо, что, видимо, никакой ужин меня уже не спасет и завтра я умру – но в плен к этим рабам не попаду, просто рухну на землю, обниму ее и попытаюсь натянуть ее на себя, как плащ. Те воины, язык которых я понимаю, много говорят о богах и проклинают и этих богов, и всех на свете, и самих себя в первую очередь. Мне кажется, когда-то и я знал богов; я помню, как молился рядом с матерью на пороге скромного храма, стены которого были увиты виноградом. Но имени того божества я теперь не помню. И даже если б я мог призвать его на помощь, вряд ли он откликнулся бы на мой зов. Родные края конечно же очень далеко сейчас от меня, и очень далека отсюда скромная обитель того божества.

* * *

Я собрал немного топлива и подбросил в костер. Стало светлее, теперь мне удобнее писать. А писать я должен, мне нельзя забывать то, что случилось со мною. Ведь тот знакомый туман непременно вернется, и тогда все канет в забвение, так что вся надежда на этот дневник.

¹⁰ Скорее всего, это Посейдон, бог всех источников и вод, которого древние греки наделили зооморфными чертами – в частности, рогами быка.

Я ходил на берег реки. Там я обратился к ней и сказал: "Я не знаю иного бога, кроме тебя. Завтра я умру и уйду под землю, как и все мертвые. Молю тебя об одном: пусть мой чернокожий спутник будет счастлив, ибо он стал мне больше чем братом. Вот мой меч, этим мечом я мог бы убить его. Прими же мою жертву!" И я бросил свою Фалькату в воду.

И тут снова появился тот речной человек. Он поднялся над темной водой и стал играть с моим мечом, подбрасывал его в воздух и снова ловил – то за рукоять, то прямо за острый клинок. Еще с ним рядом были две юные девушки, возможно, его дочери, и он нарочно пугал их мечом, а они все пытались отобрать у него эту игрушку. И все трое светились, точно жемчужины в лунном свете.

Немного поиграв, речной человек бросил Фалькату к моим ногам. "Я бы исцелил тебя, если б мог, – сказал он мне, – но это выше моих сил, хотя и металлы, и дерево, и подводные обитатели, и пшеничные зерна, и ячмень – все в моей власти. – Голос его звучал как рокот прибоя. – Да, все, но только не это, хотя любой дар я возвращаю стократ. А потому возвращаю тебе твою Фалькату, закаленную в моих струях. Ни дерево, ни бронза, ни железо не смогут устоять перед нею, и Фальката твоя никогда тебя не подведет, если ты сам не подведешь ее".

Сказав так, он и его дочери (если то были его дочери) исчезли в водах реки. Я поднял Фалькату, намереваясь осушить клинок, однако он оказался сухим и горячим. Вскоре вернулся мой чернокожий спутник и принес ужин – хлеб и мясо – и множество историй о том, как ему удалось украсть пищу; все это он рассказывал мне с помощью сложной пантомимы. Мы поели, и теперь он спит, а я пишу.

Глава 2 В ФИВАХ

Мы стоим здесь лагерем, и я уже успел забыть большую часть того, что произошло с тех пор, как я видел Быстрого бога¹¹. Собственно, и его я тоже успел забыть и знаю о нем только потому, что перечитал свой дневник, который продолжаю вести.

Фивы прекрасны. Там настоящие дворцы из мрамора и замечательный рынок.

Однако тамошние жители напуганы и злятся на Великого царя за то, что он оставил в городе столь малое войско, хотя фиванцы сражались на его стороне. Видимо, жители Фив рассчитывали, что персы в конечном счете возьмут верх над Афинами и Спартой – а ведь жители этих полисов тоже сыновья Эллина¹², как и сами фиванцы. Здесь говорят, что афинянам ненавистно даже само название города, Фивы, и они непременно выжгут его дотла – как Великий царь сжег Афины. А еще говорят (я прислушивался к разговорам на рынке), что сдались бы на милость спартанцев, вот только милосердие спартанцам не свойственно. Фиванцы очень хотят, чтобы мы остались, однако понимают, что мы все же уйдем и они останутся без защиты – тогда им придется надеяться лишь на крепкие стены да на своих мужчин, хотя лучшие из них уже погибли. Наверное, они правы: я уже не раз слышал, что скорее всего завтра мы снимем лагерь.

В Фивах много гостиниц, но у нас с чернокожим нет денег, так что мы спим у крепостных стен, как и все остальные воины Великого царя. Жаль, что я сразу не описал в дневнике внешность того доброго лекаря, ибо теперь не могу его отыскать – здесь лекарей очень много, да и пегих мулов хватает. А из всех одноглазых людей ни один не признается, что служит у лекаря. Со мной вообще разговаривают неохотно: завидев мои бинты, все сразу решают, что я попрошайка. Попрошайничать я, конечно, ни за что не буду, хотя, по-моему, еще более постыдно есть краденое – а ведь я только что поужинал тем, что стащил где-то мой чернокожий приятель. Утром я тоже пытался воровать на рынке, но у меня это получается куда хуже, чем у него. Теперь мы с ним собираемся на другой рынок, и я буду отвлекать продавцов, как уже делал это сегодня утром. Воровать чернокожему трудно – внешность бросается в глаза, – однако он очень ловок и все-таки успевает стащить что-нибудь, даже если за ним следят специально. Не знаю, как ему это удастся; он много раз показывал мне, но я так и не сумел ничего заметить.

* * *

Чернокожий что-то объясняет на пальцах, остальные с ним спорят, а я пишу свой дневник, устроившись на полу в храме Светлого бога¹³, что близ центральной рыночной площади. Много успело произойти с тех пор, как я сделал последнюю запись, – и я с трудом понимаю, о чем там речь. Не знаю, с чего и начать.

Позавтракав часов в двенадцать и немного передохнув, мы с чернокожим пошли, как и собирались, на другой рынок. Центральная рыночная площадь Фив, агора, со всех сторон окружена красивыми зданиями с мраморными колоннами и вымощена камнем. Здесь продают ювелирные украшения, золотые и серебряные чаши, хотя можно купить и хлеб, вино, рыбу, фиги и другие продукты.

¹¹ Гермес, быстрый, юный вестник богов, посредник между богами и людьми, проводник душ умерших в царство Аида, покровитель путников и торговцев.

¹² В греческих легендах Эллин, сын Девкалиона и Пирры, выступает как родоначальник племени эллинов.

¹³ Светлый бог – Аполлон, сын Зевса и Лето, брат-близнец Артемиды, бог солнечного света, иногда отождествлявшийся с Солнцем, «стреловец», покровитель искусства.

Агора заполнена множеством покупателей и продавцов, а посреди нее бьет фонтан, в струях которого высится мраморная статуя Быстрого бога.

Поскольку я уже прочитал о нем в своем дневнике, то бросился к фонтану, полагая, что статуя и есть Быстрый бог, и громко к нему зывая. Тут же вокруг собралась толпа – человек сто, не меньше; там были и воины Великого царя, но большей частью фиванцы, которые все время задавали мне разные вопросы, и я, как мог, отвечал. Чернокожий обратился к толпе, знаками прося денег; медные, бронзовые и серебряные монеты посыпались дождем, их было так много, что чернокожий вынужден был ссыпать их в мешок, где хранит свои пожитки.

Это толпе не понравилось, и подавать ему почти перестали; но тут к нам подошли какие-то богатые люди, пальцы которых были унизаны перстнями, и сказали, что я должен пойти в храм Солнца¹⁴, а когда чернокожий ответил, что никуда мы не пойдем, они пояснили, что бог Солнца – великий целитель, и кликнули на помощь нескольких фиванских воинов.

Они привели нас в очень красивое здание с колоннами и широкими лестницами; там меня заставили преклонить колена перед прорицательницей, сидевшей на бронзовом треножнике. Тощий жрец долго разговаривал о чем-то с приведшими нас богатыми людьми и несколько раз повторил примерно одно и то же, но разными словами: их бог не станет говорить устами оракула, пока не будет принесена жертва.

В конце концов один из богатых людей послал куда-то своего раба, и мы довольно долго ждали его возвращения, а люди в перстнях говорили о своих богах – о том, что им самим о них известно, и о том, что узнали некогда от отцов и дедов. Наконец вернулся тот раб и привел с собой девочку-рабыню, макушка которой едва доставала мне до пояса.

Хозяин маленькой рабыни стал расхваливать ее, особенно отмечая ее красоту и умение читать. К тому же он клялся, что она девственница. Мне странно было слышать это, ибо, судя по тем красноречивым взглядам, которые девочка бросала на раба, его-то как мужчину она узнать успела и, по-моему, возненавидела. Я заметил, что и тощий жрец ничуть не больше, чем я, верит богачу в перстнях.

Свои похвалы в адрес девочки он закончил тем, что подтащил ее к стене храма и указал на высеченные в камне слова. Написаны они были не совсем так, как пишу я, однако язык этот был мне знаком.

– Прочти мне слова великого бога, который пророчит нам будущее, дитя мое, – велел девочке тощий жрец. – Читай громко, ибо то слова бога, способного не только исцелять, но и убивать страшными быстролетными стрелами смерти.

Без запинки, с выражением маленькая рабыня прочла:

*Здесь Лето сын, на лире играющий,
Огнем золотым жизни путь освещающий,
Исцеляет все раны, святую надежду дает
Тем, кто душу и сердце ему отдает.*

Голосок у нее был чистый и нежный, и, хотя он звучал иначе, чем у воинов на плацу, он, казалось, взлетал над рыночной площадью, перекрывая царивший там шум.

Жрец удовлетворенно кивнул, знаком велел девочке умолкнуть и кивнул прорицательнице. Божество, которому поклонялись в этом храме, тут же овладело ею с такой силой, что несчастная с криком стала извиваться на своем треножнике.

Вскоре вопли ее прекратились и она что-то забормотала, роняя слова, точно камешки в пустой кувшин, – голосом отнюдь не женским, но я почти не обращал на нее внимания, ибо глаза мои были прикованы к золотому человеку, значительно более высокому и мускулистому,

¹⁴ Храм Солнца – храм Аполлона.

чем любой обычный мужчина. Он молча выступил из ниши, в которой стоял, и знаком велел мне подойти ближе.

Я повиновался.

Он был молод и крепок, точно воин, но шрамами не изуродован. Лук и пастуший посох – то и другое из золота – он держал в левой руке, а за спиной у него висел колчан с золотыми стрелами. Он присел передо мной на корточки – точно взрослый перед ребенком.

Я поклонился ему и мельком глянул на остальных: все внимали оракулу и явно никакого золотого великана не видели.

– Для них меня здесь нет, – ответил он на мой незаданный вопрос. Слова лились из его уст уверенно и спокойно – так порой умелый торговец убеждает покупателя, что этот товар предназначен для него одного.

– Как же это возможно?

Даже когда великан заговорил, остальные продолжали, перешептываясь, слушать пророчицу.

– Мало кому дано видеть богов, – пояснил он. – Для всех остальных любой бог – Неведомый.

– Так, значит, мне это дано? – спросил я.

– Ты же видишь меня?

Я кивнул.

– Порой молитвы, обращенные ко мне, вознаграждаются, – сказал он. – Но ты пришел сюда просто так. Не хочешь ли теперь попросить меня о чем-либо?

Я не мог ни говорить, ни думать и только покачал головой.

– В таком случае я сам сделаю тебе подарок. Послушай же, что я могу: я великий предсказатель судьбы, бог музыки, бог смерти и в то же время – искуснейший целитель; я защитник стад от волков и властелин солнца. И я предвижу, что долго будешь ты скитаться в поисках родного дома, однако найдешь его, оказавшись вдали от родины, на другом конце света. Лишь однажды доведется тебе спеть так, как пели люди в Золотой век под музыку богов. И пройдет еще немало времени, прежде чем обретишь ты то, что искал, и найдешь это в стране мертвых.

Да, мне подвластны любые недуги, но тебя я вылечить не смогу, да и не стал бы, даже если б мог; у святилища Великой Матери пал ты раненым, в святилище ее ты должен вернуться. И она укажет тебе путь, и, пронзенный волчьими клыками, вернется к ней тот, кто послал зверя.

Еще не смолкла речь золотого божества, а я уже видел его неясно, словно неведомая сила вновь влекла его в ту нишу в стене, из которой он только что вышел.

– Ищи в наземном мире...

Когда он совсем исчез, я поднялся и отряхнул свой хитон. Мой чернокожий приятель, тощий жрец, богатые фиванцы и девочка-рабыня все еще стояли перед оракулом, однако уже не слушали прорицательницу, а спорили между собой, указывая на самого молодого из них, который наконец и сам что-то торжественно произнес.

Но стоило ему умолкнуть, как все снова заговорили разом, уверяя его, что ему необычайно повезло, ибо теперь он должен будет покинуть их несчастный город. Он что-то ответил, однако мне надоело все это слушать, и я принялся перечитывать свой дневник, а потом сделал очередную запись в нем. Я и сейчас еще пишу, а они все продолжают о чем-то спорить.

Чернокожий знаками объясняет им что-то насчет денег, а самый молодой из богатых фиванцев (на самом деле не такой уж он и молодой: на висках у него глубокие залысины) все пятится, словно собираясь бежать.

Девочка смотрит то на меня, то на него, то на чернокожего, то снова на меня, и глаза ее полны любопытства.

Глава 3

ИО

Маленькая рабыня разбудила меня еще до рассвета. Костер наш почти потух, и она с треском ломала через колено ветки, чтобы поддержать пламя.

– Прости меня, господин мой, – сказала она. – Я старалась делать это как можно тише.

Я чувствовал, что знаю ее, но никак не мог вспомнить ни время, ни место нашего знакомства. И спросил, кто она такая.

– Ио. Это значит "счастье", господин мой.

– А кто я такой?

– Ты воин Латро, господин мой.

Она трижды назвала меня "господин мой", и я спросил:

– Значит, ты рабыня, Ио? – На самом деле я уже догадался об этом по ее жалкому рваному пеплосу.

– Да, я твоя рабыня, господин. Вчера Светлый бог отдал меня тебе. Разве ты не помнишь? Я сказал, что нет.

– Меня привели в обитель Светлого бога, поскольку он отказывался говорить с людьми, пока ему не принесут жертву. А когда появилась я, бог сразу согласился и так быстро вошел в тело жрицы, что она чуть не лишилась разума от боли. Ее устами он сказал, что теперь я принадлежу тебе и должна всюду следовать за тобою, куда бы ты ни направлялся.

При этих ее словах мужчина, до той поры тихо лежавший рядом, отбросил свой красивый синий плащ и сел.

– А вот этого я не помню! – возразил он девочке. – Между прочим, я тоже там был!

– Это было уже потом, – пояснила Ио, – когда вы ушли.

Он с сомнением посмотрел на нее, повернулся ко мне и спросил:

– Надеюсь, меня-то ты не забыл, Латро? – Но я ничего не помнил, и он объяснил:

– Меня зовут Пиндар¹⁵, я сын Пагонда, поэт. Я был среди тех, кто привел тебя в храм нашего повелителя.

– У меня такое ощущение, будто я спал и видел сон, – сказал я, – однако, едва проснувшись, уже не могу поведать тебе ни каков был этот сон, ни что ему предшествовало.

– Ах, как интересно! – воскликнул Пиндар и, порывшись в своем дорожном мешке, извлек оттуда восковую табличку и стиль. – Не возражаешь, если я это запишу? Может, потом пригодится.

– Запишешь? – Что-то дрогнуло в моей душе при этом слове, хоть я и не мог понять, почему так разволновался.

– Ну да, чтобы не забыть. Ты ведь тоже все записываешь, Латро. Вчера ты показывал мне свою книгу¹⁶. Она, кстати, все еще при тебе?

Я осмотрелся и увидел этот свиток; он лежал на том месте, где я спал, возле самого костра, и свинцовый стиль был засунут за скреплявшие свиток тесемки.

– Хорошо, что ты нечаянно не столкнул его в костер, – заметил Пиндар.

– У меня, к сожалению, нет такого теплого плаща, как твой.

¹⁵ Пиндар (родился в 522 г. до н.э. под Фивами, умер в 446 г. или позднее) – знаменитый поэт-лирик, происходил из старинного аристократического рода. В центре его поэтического творчества – идеалы аристократии, представления об «арете» (доблести). Как и вся фиванская аристократия, во время персидской войны Пиндар симпатизировал персам, однако впоследствии все же восславил победу Афин над армией Великого царя Ксеркса.

¹⁶ Античная книга представляла собой папирусный свиток. Первые такие книги появились в Египте.

– Не беда, я тебе куплю! Деньги у меня есть – мне повезло, два года назад я получил небольшое наследство. Между прочим, твой друг тоже мог бы купить тебе плащ. Вчера он наверняка успел собрать кругленькую сумму, прежде чем мы повели тебя в храм.

Моим другом Пиндар называл какого-то чернокожего, который все еще спал или притворялся, что спит. Впрочем, поспать ему не удалось: вдали затрубили в рог, и вокруг нас зашевелились, пробуждаясь, люди.

– Чья это армия? – спросил я.

– Как? Ты состоишь в ее рядах и не знаешь, кто стратег?

Я покачал головой и сказал:

– Возможно, некогда я это знал, но теперь уже не помню.

– Он все забывает, – пояснила Ио, – потому что был ранен в том знаменитом сражении, к югу от нашего города¹⁷.

– Ах так! Вообще-то вашей армией командовал Мардоний¹⁸, однако он вроде бы погиб, так что я не знаю точно, кто сейчас занял его место.

Скорее всего, Артабаз¹⁹.

Я взял в руки свиток.

– Возможно, я вспомню, когда прочитаю.

– Возможно, – согласился Пиндар. – Но погоди немного, скоро станет светлее. Кстати, с восходом солнца перед нами откроется великолепный вид на озеро Копайда²⁰.

Мне хотелось пить, так что я спросил, туда ли мы направляемся.

– На восток ли, ты хочешь знать? Полагаю, что именно туда. Впрочем, возможно, и значительно дальше. Однако мы с тобой двинемся к святилищу богини земли²¹. Разве ты не помнишь, что сказала сивилла?

– Я помню! – заявила Ио.

– В таком случае повтори для него, – вздохнул Пиндар. – Ибо сам я испытываю непреодолимое отвращение к подобным виршам.

Маленькая рабыня встала, выпрямилась во весь свой небольшой рост и произнесла нараспев:

*В мире наземном ищи, если сможешь увидеть!
Пой и дары приноси мне!
Однако пролив небольшой пересечь ты обязан.
Воющий волк для тебя стал причиной несчастий!
К хозяйке его подойти ты обязан!
Пылает очаг в ее доме подземном.
К богу Незримому²² ныне тебя отсылаю!
В царствие Смерти теперь ты спустишься обязан!
Там ты поймешь, почему для других он невидим.
Пой же тогда, и пусть холмы тебе отвечают!*

¹⁷ Имеется в виду либо битва Ксеркса с Леонидом у Фермопил (за ней последовал союз со Спартой) в 480 г. до н.э., либо битва при Платеях в 479 г. до н.э.

¹⁸ Мардоний – военачальник и зять Дария I, в 492 г. до н.э. возглавил поход персов во Фракию и Македонию, после чего Македония стала вассалом Персидской державы. Погиб в битве при Платеях в 479 г. до н.э.

¹⁹ Артабаз – полководец Ксеркса, во время похода 480 г. до н.э. командовал одним из корпусов в битве при Платеях, но еще до окончания битвы бежал с частью войска в Малую Азию.

²⁰ Озеро Копайда – озеро в Беотии с подземными стоками, которое еще в античности пытались осушить. Его берега – одно из древнейших мест поселений людей.

²¹ Видимо, это Гея, Мать-Земля, или отождествляемая с нею Деметра, также имевшая подобное имя и древнее прорицалище в Дельфах.

²² Бог подземного царства мертвых Аид («безвидный», «невидный», «ужасный» – греч.).

*Пусть вокруг тебя соберутся царь, жрец и нимфа!
Да, волшебством призовешь ты и волка, и фавна, и нимфу!*

Пиндар с отвращением покрутил туда-сюда головой и сказал:

– Ну разве это стихи? Хуже некуда! В храме Омфала²³ оракул в этом отношении куда лучше, можешь мне поверить. Не сочти за похвальбу, но я частенько подумываю: а что, если полнейшая бездарность оракула в нашем славном городе служит предостережением именно мне? «Видишь, Пиндар, – словно говорит мне Светлый бог, – что получается, когда божественный мед поэзии изливается из глиняного сердца?» И все же, хотя это и очевидно, не всегда можно утверждать, что именно бог говорит устами дельфийского оракула. В половине случаев его слова можно истолковать как угодно.

– А ты их понимаешь? – с изумлением спросил я.

– Разумеется. По крайней мере, большую часть. Весьма возможно, даже эта малышка понимает их.

Ио покачала головой:

– Я не слушала толкований жреца.

– Вообще-то, – возразил Пиндар, – разъяснения давал я, а не жрец, благодаря чему, собственно, и навлек на себя это бремя – путешествие с Латро к святилищу Матери-Земли. Людям почему-то кажется, что у поэтов сколько угодно свободного времени, вечные каникулы!

– А вот мне кажется, – сказал я, – что у меня свободного времени, которым я мог бы распоряжаться, нет совсем, разве что сегодняшний день. Но ведь он скоро кончится.

– Да, наверное, ты прав. Придется мне завтра снова толковать тебе слова Светлого бога.

– Я их запишу, – заверил я его.

– Ах да, конечно! Я и забыл о твоей книге. Ну что ж, очень хорошо.

Первая фраза звучала так: "В мире наземном ищи, если сможешь увидеть!" Ты ее понимаешь?

– Я полагаю, что мне следует перечитать свой дневник и поискать там. И желательно при свете дня – так лучше видно, ты и сам только что это заметил.

– Нет, нет! Слово "наземный" в откровениях сивиллы всегда имеет отношение к Светлому богу. Эта фраза означает, что свет знаний исходит именно от него – ведь он просветляет умы! А следующая фраза – "Пой и дары приноси мне" – означает, что ты должен умиловить его, если хочешь, чтобы он помог и тебе. Он бог музыки и поэзии, так что поэты и декламаторы уже своим искусством приносят ему дары; ну а жертвоприношения в виде баранов и прочей живности совершает всякое быдло, которому больше и предложить-то нечего. Твоим даром должна стать песня, постарайся это запомнить.

Я сказал, что постараюсь непременно.

– Затем следуют слова: "Пролив небольшой пересечь ты обязан". Светлый бог пришел к нам с востока, из Страны Высоких Колпаков²⁴, символом его является встающее солнце. Там ты и должен принести ему свой дар.

Я кивнул, чувствуя облегчение оттого, что сразу петь мне не придется.

– Итак, следующая строка: "Воющий волк для тебя стал причиной несчастий!" Бог сообщает нам, что рану нанес тебе некто, чьим спутником и символом является волк, и особо подчеркивает, что волк – один из певцов нашего края. Таким образом, совершенно очевидно, что именно в пении и заключается твое жертвоприношение богу, если ты намерен исцелиться. "К хозяйке его подойти ты обязан!" Ага! – Пиндар выразительно указал пальцем на небеса. – Вот

²³ Омфал – «пуп земли» (считалось, что существует и «пуп моря»), древний каменный культовый объект. Этот памятник считался посвященным Аполлону и хранился в его храме в Дельфах.

²⁴ Название, видимо, образовано от высокого головного убора под названием «фригийский колпак», то есть имеются в виду Фригия или Малая Азия в целом.

тут-то, по моему скромному разумению, и кроется самое важное. Тебя ранила одна из великих богинь – и символом этой богини является волк. Ею может быть только великая Мать богов, которой мы поклоняемся под столькими именами – и Праматерь, и Мать-Земля, и богиня плодородия, и тому подобное. В дальнейшем тебе необходимо посетить ее храм или святилище. Но таких мест много – какое же выбрать? И Светлый бог весьма любезно подсказывает: "Пылает очаг в ее доме подземном". Это может быть лишь знаменитая Лейбадейская пещера²⁵, она совсем недалеко отсюда. Поскольку не стоит нам бродить по берегу, когда корабли афинян бороздят воды залива, мы легко доберемся к пещере по самой безопасной дороге из всех, что ведут в империю и соседствующую с ней Страну Высоких Колпаков. Итак, ты должен поскорее отправиться туда и молить богиню о прощении; видимо, ты нанес ей некое оскорбление и тем самым вынудил тебя ранить. Лишь после этого Светлый бог сможет исцелить тебя – иначе в лице Великой богини он наживет себе врага, чего он, по вполне понятным причинам, конечно же не желает.

– А что означает следующая строка? – спросил я. – Что это за Незримый бог?

– Этого я тебе сказать не могу, – покачал головой Пиндар. – В Афинах было святилище Неведомого бога, но именно в этом городе сейчас, можно сказать, настоящее Царство мертвых, ибо святилище после войны снова лежит в руинах. Но не спеши. В таких делах часто приходится сперва сделать первый шаг вслепую, и лишь потом придет понимание того, каков должен быть следующий шаг. Я полагаю, что, когда ты посетишь Великую Мать богов в пещере Трофония, все встанет на свои места. И невозможно смертному...

– Посмотрите-ка туда! – вскричала Ио таким пронзительным голосом, что чернокожий вскочил как ужаленный. Ио, прикрывая глаза рукой, смотрела на берег озера, над которым вставало солнце. Я тоже посмотрел туда, да и многие воины, побросав свои занятия, повернули головы в ту сторону, куда указывала Ио; в лагере, по крайней мере в нашей его части, воцарилась полная тишина.

С берега озера доносилась негромкая музыка; человек сто скакали там в каком-то диком танце, и вместе с танцорами скакали козы – последних, впрочем, возможно, просто пугали две рычащие ручные пантеры.

– А, это Юный бог!²⁶ – прошептал Пиндар и поманил меня за собой.

Когда мы догнали вереницу воинов, спускавшихся к озеру за водой, Ио схватила меня за руку:

– А разве нас приглашали на этот праздник?

Я сказал ей, что не знаю.

– Ты же совершаешь странствие по святым местам! – бросил Пиндар, не оборачиваясь. – Нехорошо обижать одного из великих богов.

По пологому склону холма мы спустились к озеру; кругом зеленела молодая трава, цвели цветы. Пиндар шел впереди, Ио цеплялась за мою руку, а чернокожий хмуро тащился позади, на некотором расстоянии от нас.

Поверхность озера в утренних лучах казалась золотым покрывалом, шаловливый ветерок точно сорвал с Зари ее темные одежды, умастив прелестное тело богини множеством дивных благовоний. Позади нас уже слышались звуки труб – войско Великого царя готовилось выступить в путь; однако, хотя многие воины поспешили назад, в лагерь, мы за ними не последовали.

– Ты выглядишь счастливым, господин мой, – сказала Ио, поднимая ко мне свое личико.

– Но я действительно счастлив, – ответил я. – А ты разве нет?

– Если счастлив ты... О да, я счастлива тоже!

²⁵ В Лейбадейской пещере Трофоний, беотийский герой, построивший ряд храмов и особенно известный как оракул, делал пророчества, которые приводили узнававших свою судьбу в состояние ужаса. Считалось, что Трофоний – сын Аполлона и выстроил для своего божественного отца храм в Дельфах.

²⁶ Юный бог – Вакх, или Дионис, которого часто изображали в виде прелестного мальчика-подростка.

– Ты говорила, что тебя привели в храм, чтобы принести в дар Светлому богу. Разве там ты не испытывала счастья?

– Нет, мне было страшно, – призналась она. – Я боялась, что мне перережут горло, как несчастным жертвенным животным. И сегодня мне вдруг тоже стало страшно: я подумала – а вдруг Светлый бог отдал меня тебе, чтобы ты принес меня в жертву где-нибудь в другом месте? Ты не знаешь, в храме той Великой Матери богов, куда ведет нас поэт, детей в жертву богине не приносят?

– Понятия не имею, Ио; но если это действительно так, то я ни за что не позволю убить тебя! Какой бы вред или оскорбление я ни нанес Великой богине, подобную жертву ничто оправдать не сможет.

– Но что, если ты будешь вынужден так поступить, чтобы найти свой дом и друзей?

– Неужели только желание найти их и привело меня в храм вашего Светлого бога?

– Не знаю, – задумчиво проговорила Ио. – По-моему, тебя туда привели мой прежний хозяин и его друзья. Во всяком случае, все вы уже были там, когда появилась я. Но потом мы успели немного посидеть с тобой вдвоем, и ты рассказал мне, как попал в храм.

Ио отвернулась и стала смотреть на танцоров.

– Латро, погляди, как замечательно они танцуют!

Мужчины и женщины весело прыгали, кружились, брызгались водой на отмелях; трава вокруг стала совершенно мокрой – не только от этих брызг и влажных ног, но и от вина, которое они не только пили (даже во время танца), но и совершали жертвенные возлияния. Пронзительный голос флейты и упорный грохот бубна-тимпана²⁷ теперь звучали, казалось, еще громче. И хотя среди скачущих в безумном танце попадались мужчины в масках, главным образом это были все же молодые прекрасные женщины, либо совершенно обнаженные, либо чуть прикрывшие наготу и кутавшиеся в растрепанные длинные волосы.

Ио уже присоединилась к ним, а вместе с нею и чернокожий и Пиндар, но я смотрел только на маленькую Ио. Какой веселой казалась она в этом венке из виноградной лозы, дважды обвившей ее головку! Она чрезвычайно старательно во всем подражала впадшим в экстаз взрослым женщинам и девушкам, так что на некоторое время даже перестала казаться мне ребенком – по крайней мере, пока длился этот безумный танец.

Пиндар, чернокожий, да и сам я давно уже навсегда простились с миром детства, хотя некогда и для нас он был, разумеется, родным и полным друзей. Хотя мне почему-то и до сих пор мир детства кажется очень близким, ведь только там существует мой родной дом и те мои друзья, которых я еще способен вспомнить.

²⁷ Тимпан – бубен, на котором обычно играли женщины во время вакханалий.

Глава 4

РАЗБУЖЕННЫЙ ЛУНЫМ СВЕТОМ

Я попытался читать свой свиток, но не смог разобрать бледные буквы, хотя луна светила так ярко, что рука моя отбрасывала четкую тень на лист папируса. Рядом со мной спала женщина. Оба мы были обнажены, у обоих кожа влажна от выпавшей росы. Женщина дрожала от ночной прохлады, однако не просыпалась, а я глаз не мог оторвать от изящной линии ее бедер: никогда не думал, что это может быть так красиво!

Я огляделся, надеясь найти, чем бы укрыть женщину; мне казалось, что вряд ли мы бросились бы на траву прямо посреди лагеря совершенно обнаженными, не имея под рукой даже покрывала. Вид ее тела страшно возбуждал меня – и я стыдился своей наготы, однако не находил ничего, чем бы можно было прикрыть ее.

Неподалеку поблескивала вода. Я решил умыться – у меня было такое ощущение, что если я плесну в лицо холодной водой, то сразу вспомню, кто эта женщина и как случилось, что мы легли с нею прямо на поросшем травой берегу.

Я зашел в воду по пояс; она оказалась теплее, чем роса на траве, и окутала меня, точно одеялом. Умываясь, я обнаружил, что голова моя забинтована. Я хотел сорвать бинты, однако тут же почувствовал жгучую боль.

Теперь я окончательно пробудился ото сна, но, как ни странно, сны, уже наполовину позабытые, оставили в моей голове некую пустоту. Тихо шептала вода, лаская мне грудь, над головой белым фонарем висела луна, указывая какой-нибудь юной деве путь домой²⁸, а когда я снова посмотрел на берег, то увидел Ее, чистую и светлую, как лунный луч. Изогнутый лук в ее руке был похож на месяц, из колчана на поясе выглядывали золотые стрелы.

Довольно долго прекрасная охотница пробиралась среди спящих на берегу людей и наконец миновала их, взобралась на холм и, достигнув самой его вершины, скрылась.

Теперь вставало солнце, его лучи самоцветами сверкали на влажной траве.

По-моему, я уже когда-то видел рассвет над этим озером (при свете дня я убедился, что это действительно озеро), однако не могу сказать, когда это было. Правда, я уже успел прочесть кое-что в своем дневнике и теперь несколько лучше ориентируюсь в происходящем.

Если я был разбужен лунным светом, то моих соседей разбудило солнце; люди сонно потягивались, зевали и изумленно озирались. Я снова побрел по воде к берегу, жалея о том, что так долго любовался девой с луком в руке, а не искал, чем бы укрыть ту женщину, что провела со мною ночь. Она все еще спала, и я бросил в озеро разбитый кувшин из-под вина, что лежал с нею рядом. Чуть поодаль я обнаружил свиток и хитон, а также меч и латы; все это явно принадлежало мне, и я укрыл женщину своим хитоном.

Мой сосед, мрачноватого вида человек лет сорока, спросил, не соотечественники ли мы с ним, а когда я ответил отрицательно, удивился:

– Но ты же вроде бы не варвар? И говоришь как мы.

Он тоже был нагим, однако на голове у него красовались не бинты, а венок из плюща; в руках он держал легкий сосновый посох, увенчанный сосновой шишкой²⁹.

– Твоя речь мне действительно понятна, – отвечал я, – но я не могу объяснить, откуда знаю этот язык. Я... в данный момент я здесь. Это единственное, в чем я уверен.

²⁸ Артемида-Охотница, богиня-девственница, покровительница целомудрия, отождествляемая с Селеной, богиней лунного света.

²⁹ Все атрибуты – венок из плюща и тирс (посох, увенчанный сосновой шишкой и считающийся жезлом Диониса) – указывают на то, что жрец подражает Силену, мудрому учителю Диониса, который любил излагать суть космогонических мифов и историй о богах. Силены – демоны плодородия, воплощение стихийных сил природы.

Девочка, которая давно прислушивалась к нашей беседе, пояснила:

– Латро ничего не помнит, жрец. Он мой господин.

– Так, так! – Жрец кивнул, как бы в подтверждение собственных мыслей. – Со многими случается нечто подобное. Бог Из Дерева³⁰ начисто промывает мозги, так что ты, парень, ни в чем не виноват.

– По-моему, твой бог тут ни при чем, – с важным видом возразила жрецу девочка. – Латро лишила памяти Великая Мать богов. А может, Мать-Земля или Хозяйка свиней.

– Все это одна и та же богиня, милая, – ласково сказал ей жрец. – Подойди сюда, сядь. Ты уже достаточно выросла, чтобы кое-что понимать.

Он уселся на траву, Ио села напротив, а я – с нею рядом.

– Судя по твоему выговору, ты родом из семивратных Фив, верно?

Она кивнула.

– Тогда вспомни человека, которого, должно быть, не раз видела в родном городе. Ну, скажем, гончара, что делает разные горшки. Он также является отцом девочки, вроде тебя, мужем женщины, какой ты станешь, когда вырастешь, и сыном другой женщины. Но если случится война, гончар надевает шлем, берет в руки тяжелый щит и копье и становится гоплитом³¹. А теперь ответь: кто же он такой? Воин, сын, муж, отец или просто гончар?

– Все вместе, – сказала девочка.

– Ну как же ты станешь обращаться к нему? Если, предположим, не будешь знать его имени?

Девочка молчала.

– Ты обратишься к нему, как полагается в той ситуации, в какой вы оба в данный момент оказались, и в зависимости от того, что в данный момент тебе от него нужно, не так ли? Если ты встретишь его на плацу, то окликнешь его: "О воин!"; если в лавке – спросишь: "Горшечник, сколько стоит вон то блюдо?" То же самое и с богами, милая; их у нас, конечно, много, однако все же не так много, как считают некоторые невежественные люди. То же самое и с твоей богиней, которую ты назвала Хозяйкой свиней. Когда мы хотим, чтобы она благословила наши поля, мы называем ее богиней Зерна. Но когда мы представляем ее прародительницей всего сущего на земле: деревьев и ячменя, диких зверей и домашнего скота – то именуем Великой Матерью богов.

– По-моему, богам самим следовало бы называть людей свои имена, – сказала девочка.

– У них много имен. Именно этому, в частности, я и хотел бы научить тебя, вот только успею ли? Если бы тебе пришлось побывать в Речной Стране, как мне когда-то, ты бы и там обнаружила Великую Мать богов, хотя египтяне называют ее совсем иным именем. Боги или богини должны иметь имена, подходящие для языка каждого народа.

– А поэт говорил, что твой бог – это прекрасный юноша, – сообщила Ио.

– Ну вот тебе и еще один пример! – Жрец улыбнулся. – Тот поэт, которого ты имеешь в виду, называл его Юным богом и имел полное на это право. А я всего несколько минут назад назвал его богом Из Дерева, что тоже справедливо... Ото! Вот это да!

Я обернулся: к нам приближался человек, черный как ночь. Он, как и мы сами, был совершенно обнажен, однако в руке держал копье с крученым раздвоенным рогом на конце.

– Как я не раз утверждал в беседе с менадами³² и сатирами из его свиты, такое действие, как вчера, сближает бога с людьми. И вот вам пожалуйста – доказательство, почти чудо! Подойди и сядь с нами рядом, друг мой.

³⁰ Дионис, который в данном случае отождествляется с Адонисом, родившимся из треснувшего ствола миртового дерева.

³¹ Гоплит – тяжеловооруженный пеший воин с большим щитом.

³² Менады («безумствующие» – греч.) или вакханки – спутницы Диониса. В экстазе, следуя через горы и леса, они терзали детенышей зверей и пили их кровь.

Черный человек присел на корточки и знаками показал, что хочет пить.

– Он хочет еще вина, – сказала девочка.

– Он что же, не говорит на нашем языке?

– По-моему, он нас понимает, но только сам никогда ничего не говорит.

Может, кто-нибудь посмеялся над ним, когда он попробовал, да неудачно?

Жрец снова улыбнулся.

– Ты мудра не по годам, детка. Друг мой, вина у нас, к сожалению, больше нет. Все, что было, выпили вчера в честь нашего бога или разлили во время либатий³³. Сегодня, если хочешь пить, придется пить воду. – Жрец сперва показал, как льют из горсти на землю вино, а потом кивнул в сторону озера.

Чернокожий явно все понял, однако с места не двинулся.

– Так что я хотел сказать? – продолжал жрец, оборачиваясь к Ио. – Когда непостижимые боги явили нам нашего чернокожего друга, то, видимо, хотели пояснить, почему наш бог Из Дерева носит еще одно имя: царь Нисы³⁴. А кто-нибудь из вас знает, где находится Ниса?

Мы с Ио не знали.

– Это страна чернокожих людей, расположенная на южной границе с Речной Страной, выше по течению Великой реки. Наш бог был зачат, когда Громовержец во время своих странствий приметил некую принцессу Семелу³⁵, дочь правителя дивных Фив семивратных. Да, в те дни у нас был еще свой царь... – Жрец помолчал и откашлялся. – Громовержец тоже приотворился обычным земным царем и посетил дворец отца Семелы в качестве высокого гостя. Ему удалось завоевать ее любовь, хотя они и не сочетались браком. – Ио печально покачала головой, а жрец продолжал:

– Увы, жена Громовержца Телейя «Гера» узнала об этом. Кое-кто говорит, между прочим, что Телейя – одно из имен богини, как и Мать-Земля, как и Великая Мать богов; однако, по-моему, это заблуждение. Впрочем, не важно. Так вот, Телейя, превратившись в скромную старушку, нанялась в няньки к принцессе Семеле.

"Твой возлюбленный куда более высокого происхождения, чем земные цари, – заявила она своей воспитаннице. – Заставь же его открыть свою тайну!..."

К нам вдруг приблизился какой-то человек весьма привлекательной наружности; он был чуть помоложе жреца. С ним была красивая темноволосая женщина с голубыми, точно фиалки, глазами. Мужчина спросил меня:

– Ты, верно, не помнишь меня, Латро?

– Нет, не помню, – ответил я.

– Этого я и боялся. Я Пиндар, твой друг. Эта малышка, – он кивнул в сторону девочки, – твоя рабыня, Ио. А это... э... как бы это сказать?...

– Меня зовут Гиладель³⁶, – опередила его молодая женщина. Только теперь я сумел оторвать взгляд от ее фиалковых очей и заметил, что она старается незаметно прикрыть обнаженную грудь. – Во время вакханалий не принято называть друг друга по имени. А теперь можно. Ты ведь помнишь меня, да", Латро?

– Я знаю, что мы спали с тобою рядом и я прикрыл тебя хитомом, когда проснулся, – сказал я.

³³ Либатий («жертвенные возлияния» – греч.) – возлияния во время публичных культовых действий в честь Диониса.

³⁴ Нисой или Нисеей называлась гавань Мегары, построенная еще мифологическим царем Нисом. Сама Мегара тоже ранее называлась Нисой, как свидетельствует историк Павсаний. Вообще мегарами люди стали называть святилища богини Деметры. Кроме того, Нисой называлась и тогдашняя Нубия – страна, расположенная по обе стороны Нила к югу от Египта. На этих «двух Нисах» и построена в дальнейшем игра слов в романе и путаница в представлениях его героев.

³⁵ Немела – дочь фиванского царя Кадма, возлюбленная Зевса.

³⁶ Имя дано, видимо, в честь Гиладель, в греческой мифологии – дочери правителя Мессении Левкиппа, которая вместе с сестрой Фебой была похищена Диоскурами – сыновьями Зевса, Кастором и Полидевком.

– Память у него отняла Великая Мать богов, – пояснил Пиндар. – Он очень быстро все забывает.

– Как это ужасно, должно быть! – воскликнула Гилаейра, и все же я видел: втайне она довольна, что я, видимо, уже не помню, чем мы занимались прошлой ночью и что выделявали.

Жрец между тем продолжал свой урок, и я услышал, как он говорит Ио:

– ...и дал новорожденному богу облик мальчика.

Ио, должно быть, предпочитала слушать нас; во всяком случае, она быстро обернулась и шепотом пояснила Гилаейре:

– Ничего, Латро все записывает, чтобы не забыть. – Потом сказала мне:

– Господин мой, вчера ты долго сидел и писал, а потом к тебе подошла эта женщина, и ты сразу скатал свой свиток.

– ...Однако Телейя, царица богов, – вещал между тем жрец, – сразу раскусила ее хитрость. Из благовонных трав и меда она приготовила угощение, которым сманила мальчика и в итоге привела его на остров Наксос, где верный страж ждал приказов от ее дочери, хозяйки Афин...³⁷.

Уже успели проснуться и встать последние из спавших вокруг участников вакханалии; многие выглядели совершенно измученными и больными, точно воины после тяжелого поражения в битве, – по-моему, я много видел подобных воинов когда-то. Я напряг память, однако перед моим мысленным взором возник лишь какой-то мертвый человек на обочине дороги, потом другой, живой и с курчавой бородой, и он набрасывал на лошадь попону прямо поверх седла...

Чернокожий, которому явно наскучил рассказ жреца (и, видимо, он не слишком хорошо понимал его речь), пошел к озеру напиться. Вернувшись, он стал знаками призывать меня к себе.

Указывая на Пиндара, Гилаейра шепнула мне:

– Он сказал, что эта девочка – твоя рабыня. А сам ты что, раб этого чернокожего? – Поскольку я не отвечал, она пояснила:

– Но ведь раб не может владеть другим рабом; даже если он его купит, этот раб тоже будет принадлежать его господину.

– Не знаю, кто он, – ответил я, – но чувствую, что это мой друг.

– Было бы невежливо с нашей стороны прямо сейчас встать и уйти, – тихонько заметил Пиндар. – Ведь твоей юной рабыне рассказывают о важных вещах. Уйдем чуть позже; нам все равно нужно еще где-то позавтракать.

Я помахал чернокожему, приглашая его снова сесть рядом с нами, и он повиновался.

– Так ты действительно ничего не помнишь и даже не знаешь, раб ты или свободный человек? – шепотом спросила Гилаейра. – Разве это возможно?

– Я каждый раз словно выхожу из тумана, – попытался я объяснить ей. – Этот туман окружает меня со всех сторон, выплывает прямо из-за спины. Я помню, как мне удалось на некоторое время вырваться из его власти, когда я проснулся с тобою рядом и пошел к озеру напиться всласть и умыться. И все же я чувствую себя человеком свободным, а не рабом.

– Но хозяйка Афин, – продолжал жрец, – не зря так зовется. Она истинный софист и, подобно своему городу, отстаивает лишь собственные интересы, воспринимая легкомысленные обещания и славословия как пустой звук. Хоть она и помогала своей матери, но спасла сердце Юного бога, вытащила его из огня и отдала Громовержцу...

³⁷ Афина-Паллада, вечно девственная богиня мудрости, исполнительница воли и замыслов своего отца Зевса, его мысль, осуществленная в действии; Великая богиня, известная в архаической мифологии как родительница и губительница всего живого; «Градозащитница» Афин, Аргоса, Мегары, Спарты. Софисты – «учителя мудрости» – основали духовно-воспитательное и философское течение в античной Греции V-IV вв. до н.э., основной характеристикой которого было неразрывное единство теоретических знаний с практической жизнью.

Он продолжал рассказывать, голос его, подобно ветру, шелестел в молодой траве, а последователи его веры собирались вокруг нас и тоже садились и слушали. Но я не стану приводить всю историю целиком: нам пора в путь, и вряд ли рассказ жреца для меня так уж важен.

Под конец жрец сказал Ио:

– Как видишь, и у нас есть претензии к Юному богу. Его мать была дочерью царя наших Фив, и в синие воды нашего озера – в этом самом месте!

– вошел он, чтобы проникнуть в подземный мир и спасти ее. Вчера ты, Ио, помогла нам отпраздновать день ее спасения³⁸.

Воцарилась тишина, затем Пиндар осторожно спросил:

– Закончил ли ты свой рассказ?

Жрец, улыбаясь, кивнул.

– Я бы мог, конечно, рассказать куда больше. Но детские головки подобны малым сосудам: так быстро переполняются, что знания переливаются через край.

– В таком случае нам пора. – Пиндар встал. – Здесь, наверное, найдутся добрые крестьяне, которые смогут нас накормить?

– Мы с учениками скоро возвращаемся в город, так что, если хотите, подождите немного, и я покажу вам те дома, где нас кормят каждый год, – предложил жрец.

Пиндар покачал головой:

– Нет, ждать мы не можем. Мы направляемся в Лейбадейскую пещеру и сегодня должны пройти немало, если хотим завтра еще засветло добраться туда.

Синие глаза Гиладель вспыхнули:

– Так вы идете в Дельфы?

– Да, нам приказал идти туда оракул, устами которого говорил великий бог поэзии. Точнее, – поправился Пиндар, – это Латро должен идти туда, а меня фиванцы выбрали ему в провожатые.

– Можно и мне пойти с вами? Не знаю, что со мной происходит, – а вам конечно же совершенно неинтересны мои личные обстоятельства, – но в последнее время меня очень тянет к богам, я чувствую себя значительно ближе к ним, чем когда-либо, да и вообще все воспринимаю иначе... Именно поэтому я и приняла участие в вакханалии.

– Ну разумеется, можно, – ответил Пиндар. – К тому же с нашей стороны было бы очень дурно начать путешествие с отказа в защите столь горячей поклоннице наших богов!

– Ну вот и спасибо! – Гиладель вскочила и чмокнула поэта в губы. – Я мигом соберусь.

Я надел хитон, кирасу и опоясался странным, похожим на серп, кривым мечом в бронзовых ножнах. Ио говорит, что это мой меч и называется он Фальката, и это имя действительно написано на клинке. Рядом я обнаружил разрисованную маску; Ио сказала, что это жрец дал мне ее вчера, когда я изображал сатира. Я повесил маску на шею.

Мы остановились позавтракать в одном из крестьянских домов; нам подали лепешки, соленые маслины и сыр, а также вдоволь вина. После трапезы я сразу расположился на широкой скамье, где можно было развернуть свиток, и постарался побыстрее все записать. Но вот Пиндар уже предупреждает, что пора выходить.

Подняв голову, я увидел, как из-за холма появляются какие-то смуглые люди, вооруженные дротиками и длинными ножами.

³⁸ Дионис, достигнув зрелости, разыскал мать в подземном царстве, после чего Семела была перенесена на Олимп. Имя Семела фригийского происхождения и означает «земля». Возможно, она тоже была богиней земли.

Глава 5

СРЕДИ РАБОВ СПАРТЫ ³⁹

Обычай велит избивать и оскорблять пленников. Пиндар говорит, это потому, что спартанцы своих рабов презирают; нас они, впрочем, считают равными или, по крайней мере, близкими себе по статусу, хотя вряд ли такое вообще возможно с их точки зрения для тех, кто рожден не в Спарте.

Меня они били сильнее, чем Пиндара или чернокожего, пока я не заметил на обочине дороги того спящего старика. Теперь меня вообще не бьют. Не слишком сильно бьют и Гилайру с дочкой; сейчас обе они спят, однако спартанцы что-то сделали с ногами девочки, и она еле ходит. Когда с меня сняли путы, я до самого привала нес малышку на руках.

Недавно часовой взял да и отнял у меня мой свиток. Я стал следить за ним и, когда он отошел в сторонку по малой нужде, поговорил со своей знакомой женщиной-змеей; она скользнула следом за часовым и вскоре вернулась, неся в пасти мою книгу. Длинные, полые внутри зубы ее полны яда. Она говорит, что с их помощью высасывает из других жизнь и сейчас свою долю уже получила.

Теперь я должен поскорее описать случившееся вчера, пока еще что-то помню, не то все снова канет в окружающий меня туман: и сияние солнца, и облака серой мягкой пыли, взлетающей при каждом шаге, и мои насквозь пропыленные до колен ноги... Вчера чернокожий шел впереди, я за ним.

Оглянувшись, я увидел позади Пиндара и свою черную тень – она была не менее черной, чем у нашего чернокожего. Обе наши тени тоже двигались вдоль дороги. Потом меня избили древком копья, чтоб не оглядывался, и чернокожий что-то кричал, наверное, просил не бить меня, ну так они и его побили.

Руки у нас были связаны за спиной. Я все боялся, что заденут мою израненную голову, ибо ничем не мог прикрыть ее, однако бить меня по голове они не стали.

Мы прошли еще немного, и тут я заметил на обочине дороги спящего чернокожего старика и спросил Пиндара (это имя я знал), не возьмут ли наши мучители этого старика в плен. Пиндар спросил, кого я имею в виду. Я мотнул в ту сторону головой, как это обычно делает наш чернокожий, но Пиндар так и не смог ничего разглядеть – наверное, старика плохо было видно в густой красноватой тени виноградных лоз.

Один из рабов Спарты спросил, о каком старике идет речь. Я пояснил, но он мне не поверил и сказал, что в тени ничего нет. Я настаивал на своем и сказал, что готов показать ему спящего, если он позволит мне сойти с дороги. Я говорил уверенно, ибо надеялся, что, проснувшись, тот старик, возможно, захочет помочь нашему чернокожему, а заодно и всем нам, или хотя бы сообщит кому нужно, что нас взяли в плен.

– Ладно, – согласился раб, – покажи, да не вздумай бежать! Но если там никого не окажется, пощады не жди.

Я сошел с дороги и присел на корточки возле спящего.

– Отец, – прошептал я, – отец, проснись! Помоги нам! – Поскольку руки мои были связаны, растормошить его я не мог, однако сумел опуститься на одно колено и вторым коленом толкнуть спящего.

Старик открыл глаза и сел. Был он лыс, а курчавая борода до пояса была белее инея.

³⁹ Полноправные граждане Спарты, спартиаты, были крайне немногочисленны по сравнению с местными жителями, превращенными в бесправных рабов-илотов или в формально свободных, однако не имевших гражданских прав периеков, жителей соседних городов. Спартиаты, спартанские воины-землевладельцы, не имели права заниматься какой-либо производительной деятельностью, так что их земельные наделы обрабатывали илоты.

– Клянусь Двенадцатью⁴⁰, он сказал правду! – воскликнул тот раб, что отпустил меня к старику.

– Что случилось, мой мальчик? – густым басом спросил у меня старик. – Что здесь происходит?

– Что происходит, не знаю, – сказал я, – но, по-моему, нас собираются убить.

– О нет! – Он посмотрел на маску, что висела у меня на шее. – Ведь ты же друг моего ученика. Не могут они так поступить с тобой! – Он встал, покачиваясь, и явно только теперь понял, что так и заснул на обочине дороги в тени виноградника, будучи пьяным в стельку. У нашего чернокожего кожа тоже будто лоснилась, но этот толстый старик еще и страшно потел, а потому прямо-таки весь сверкал на солнце; казалось, у него за спиной горит свет.

Рабу, который позволил мне сойти с дороги, он сказал:

– Я потерял свою флейту и кубок. Не поищешь ли ты их, сынок? Мне что-то стало трудно наклоняться.

Флейта тут же нашлась; это была самая простая флейта из полированного дерева. Кубок тоже был деревянный и лежал рядом с флейтой на траве.

Кое-кто из илотов остановился неподалеку поглазеть. По-моему, мой приятель был первым чернокожим человеком, которого они видели в жизни, и вот теперь появился еще один такой. Один из рабов сказал:

– Если хочешь, чтоб тебе отдали флейту и кубок, старик, говори скорей, кто ты такой.

– Почему бы не сказать – скажу конечно! – Старик негромко рыгнул. – С удовольствием скажу. Я царь Нисы.

На это девочка пропищала:

– Так, значит, ты и есть Юный бог? Сегодня утром жрец говорил, что Юный бог – это царь Нисы.

– Нет, нет, нет! – Старик затряс головой и налил себе темного, цвета заката, вина. – Уверен, что ничего подобного тот жрец не говорил, дитя мое! Ты должна запомнить... – Он снова рыгнул. – Да, запомнить: слушать старших нужно внимательно, иначе никогда не поумнееешь. Я уверен, он сказал тебе, что мой ученик – Царь Нисы. Да, запомни: Царь и царь. Видишь ли, его поручили моим заботам, когда он был еще совсем маленьким. Я сам и учил его, ну а он меня за это щедро вознаграждал... – Он в третий раз рыгнул. – Как ты и сама видишь.

Один из рабов рассмеялся:

– Еще бы, напоил тебя допьяна! Что ж, неплохо! Хотел бы я, чтобы мой хозяин наградил меня так же.

– Вот именно! – воскликнул старик. – Именно! Должен сказать, это удивительно тонкое замечание, сынок!

И тут я заметил, что рядом стоит Пиндар, почтительно склонив перед стариком голову.

– Хорошая у тебя флейта, старик, – заметил самый старший из рабов. – Ладно, слушай мою команду, ибо командую здесь я: ты должен непременно для нас сыграть. Если сыграешь хорошо, отдадим тебе флейту, ибо не отдать хорошему музыканту его инструмент – значит обидеть богов. Если же сыграешь плохо, флейту назад не получишь, а мы еще и побьем тебя. Если же вообще играть не пожелаешь, то учти: это была твоя последняя в жизни пирушка. – Остальные рабы громко поддержали старшего.

– С радостью сыграю, сынок. С превеликой радостью. Но как же мне играть, если некому под мою музыку спеть? Может, этот несчастный юноша с пробитой головой подпоет мне? Ведь это он нашел меня – вот пусть и споет со мной вместе.

Старший из рабов кивнул.

⁴⁰ Двенадцать богов – круг олимпийских богов во главе с Зевсом, шесть пар: Зевс – Гера, Посейдон – Деметра, Аполлон – Артемида, Арес – Афродита, Гермес – Афина, Гефест – Гестия.

– На тех же условиях. И чтоб пел как следует, не то живо завизжит у нас.

Старик кивнул мне и улыбнулся, показав белоснежные зубы, еще более белые, чем борода.

– Глотка твоя, должно быть, забита дорожной пылью, мой мальчик.

Глотни-ка, промой горло. – Он поднес к моим губам свой кубок, и рот мой наполнился дивным вином. Невозможно описать его вкус – вкус земли, дождя и солнечного света!

Затем старик заиграл.

А я запел. Не могу привести здесь слова той песни – я пел на неведомом мне языке, однако все понимал, пока пел; в песне говорилось об утре нашего мира, о тех днях, когда рабы Спарты были свободными людьми в свободных странах и служили своим правителям и Великой Матери-богине.

В песне говорилось также о Царе Нисы, о его величии и о том, как он передал своего воспитателя, царя Нисы, Великой богине-матери, и тот стал приемным сыном ей и Каменному столбу⁴¹.

Рабы танцевали, пока я пел, размахивали своим оружием и резвились, точно ягнята на лугу; мой чернокожий спутник, Пиндар и та молодая женщина с дочкой тоже присоединились к ним и стали танцевать, ибо узлы на их путях были завязаны плохо, и стоило тряхнуть ими, как они развязались.

Едва песнь замерла на моих губах, смолкла и музыка.

Позже, когда мы с Пиндаром остались сидеть у костра, а остальные легли спать, он сказал мне:

– Сегодня воплотились в жизнь целых две строки божественного пророчества. Помнишь его?

Я только головой покачал.

– "Пой же тогда, и пусть холмы тебе отвечают! Пусть вокруг тебя соберутся царь, жрец и нимфа". Этот бог – а это был настоящий бог, Латро!

– был некогда царем Нисы. Гилаейра вчера ночью, во время вакханалии в честь Дважды рожденного⁴², изображала нимфу. Сам же я жрец Светлого бога, поскольку являюсь поэтом. Устами оракула Светлый бог сказал также, что ты должен петь, когда тебя призовет Царь Нисы. Ты спел, и он снял с нас путы. Так что все получилось как надо!

Я спросил, что от нас потребуется теперь.

– Пока не знаю, – развел он руками. – Возможно, пока ничего. Однако...

– Он поворошил угли; по-моему, ему не очень хотелось отвечать мне; я заметил, как дрожит его рука. – Прости, но я никогда прежде не видел никого из Бессмертных! Ты-то видел, я знаю. Ты еще в Фивах как-то говорил, что видел бога Великой Реки, а может, Посейдона, верно?

– Не помню, – сказал я.

– Ну, разумеется, не помнишь. Но, возможно, записал в своей книге. Тебе следовало бы постоянно перечитывать ее.

– Непременно так и поступлю, как только запишу все, что еще осталось в моей памяти из сегодняшних событий.

– Ты прав, – вздохнул он, – это конечно же куда важнее.

– Я сейчас как раз писал об этом царе Нисы – что он чернокожий, как и наш спутник.

⁴¹ Гермес, на фетишистскую древность которого указывает его имя, которое, видимо, происходит от древнегреческого слова «герма» – груда камней или каменный столб, какими отмечались в древности места погребений. Они также служили путевыми знаками.

⁴² Дионис. Рожденный погибающей в огне Семелой, слабый и нежизнеспособный младенец был зашит его отцом Зевсом в бедро и рожден им впоследствии из этого бедра.

– Именно поэтому он и появился, – кивнул Пиндар. – Ведь, будучи царем Нисы, он является повелителем нашего друга, а тот, в свою очередь, – его верным подданным. Армия Великого царя, которая теперь отступает на север, набирала рекрутов из многих загадочных стран. – Пиндар помолчал, глядя на пылающие угли. – Впрочем, возможно, он всего лишь спешил вслед за Юным богом. Говорят, этот учитель вечно догоняет своего ученика, ну а те мистерии, в которых мы участвовали вчера, вполне могли привлечь внимание самого Юного бога. В конце концов, для этого они и устраиваются. По слухам, там, где побывал Юный бог, всегда можно потом обнаружить спящим его старого учителя; и если успеть связать старика, прежде чем он проснется, то можно заставить его открыть будущее. – Он вздрогнул, будто от холода. – Я рад, что мы этого не сделали. Не хотелось бы мне узнать свою грядущую судьбу, хотя однажды и я ходил к оракулу. Однако услышать о будущем из уст бога я бы не хотел – ведь с богами не поспоришь.

Я все еще обдумывал то, что он сказал вначале.

– Мне казалось, я знаю, что означает слово "царь". Теперь же не уверен в этом. Когда ты говоришь "царь Нисы", то это слово звучит так же, как когда ты говоришь "армия Великого царя отступает".

– Бедный Латро! – Пиндар ласково похлопал меня по плечу – так успокаивают коня, однако в жесте Пиндара было столько доброты, что я возражать не стал. – Как, должно быть, прискорбно, когда не можешь не только запомнить новое, но еще и забываешь понемногу старое! Я, конечно, могу объяснить тебе, но ты все равно вскоре и это забудешь.

– А я сразу же запишу! – сказал я. – Я же как раз пишу об этом царе Нисы. А завтра прочту и, надеюсь, смогу разобраться.

– Что ж, прекрасно, – Пиндар откашлялся. – В самом начале всеми народами и государствами правили боги. У нас, например, верховным правителем был Громовержец – в точности как Великий царь в своей Империи.

Громовержца люди тогда могли видеть чуть ли не каждый день, и многие даже заговаривали с богом, если осмеливались. Примерно так же, не сомневаюсь, правил своими подданными и царь Нисы, страны, что лежит к югу от Египта.

Если б, к примеру, Одиссей добрался туда во время своих странствий, то, возможно, встретился бы с ним; нубийский царь сидел бы на троне в окружении своих чернокожих, как и он сам, сограждан.

Естественно, боги брали в жены богинь, любили их, и рождались новые боги. Так учат нас Гомер и Гесиод – поистине замечательные поэты, просвещеннейшие люди, певцы нашего Светлого бога. Но, кроме того, боги часто удостаивали своей любовью и нас, смертных; родившиеся от такой любви дети вырастали героями – более могущественными, чем простые люди, но все же не совсем богами. Так рожден был Геракл, сын Алкмены. – Я кивнул в знак того, что понимаю. – Но вскоре боги увидели, что больше не осталось незанятых тронов для их детей или внуков... – Пиндар умолк, посмотрел на звездное небо и снова задумчиво поворошил угли. – Помнишь тот сельский дом, где мы завтракали, Латро? – Я покачал головой. – У стола стояло кресло хозяина дома, однако в него забралась его дочка – кудрявый бесенок, носившийся по всему дому с криками. И все же отец не только не наказал девочку, но даже и слезть не заставил; просто потрепал по головке и поцеловал. Так баловали своих любимых детей и боги, и дети богов стали занимать места царей среди простых смертных. Правители Спарты, куда нас ведут сейчас эти рабы, не забывают о своем родстве с Алкменой и ее сыном.

А если б тебе довелось сейчас отправиться на Восток, в Персидскую империю, ты обнаружил бы там множество мест, где гераклиды, то есть потомки Геракла, правили еще совсем недавно; а в некоторых странах они правят и по сей день, теперь уже будучи вассалами Великого царя.

Я спросил: а что, если тот земледелец когда-нибудь захочет снова посидеть в своем кресле?

– Кто знает? – прошептал Пиндар. – Будущее покажет. – После этих слов он надолго умолк и сидел, поглаживая подбородок да глядя в костер.

Глава 6

ЭОС

Заря-царица сияет в небесах. Я знаю, как ее зовут, ибо несколько мгновений назад, когда я развертывал свой свиток, она коснулась его розовым перстом, и на листе запечатлелось ее имя, а я обвел буквы – так что смотрите сами: Эос.

Я помню, что вчера ночью долго писал, однако подробности уже успели исчезнуть из моей памяти. Надеюсь, что ничего не выдумываю, когда пишу.

Мне очень важно знать правду – слишком быстро мои записи становятся единственным моим ориентиром в окружающем мире.

Спать я лег очень поздно, но тем не менее не поленился аккуратно свернуть этот прекрасный папирус и связать его тесемками. Разбудил меня один из илотов; он сидел рядом со мной, скрестив ноги, и тряс за плечо.

– Помнишь меня? – спросил он.

Я сказал, что нет.

– Я Кердон. Это я позволил тебе сойти с дороги, когда ты увидел... Ну, кого? – Он выжидающе посмотрел на меня.

– Я устал, – сказал я. – И очень хочу спать.

– Между прочим, я ведь могу и побить тебя. Или, может, тебя ни разу в жизни по-настоящему не били?

– Не помню.

Гневное выражение исчезло с его лица, хотя выглядел он по-прежнему мрачноватым.

– Это верно, – вздохнул он. – Ты действительно ничего не помнишь. Тот поэт нам рассказывал о тебе. А ты хоть помнишь, кого видел при дороге, в тени виноградных лоз?

Ничего я не помнил, но только что прочитанного еще не забыл.

– Какого-то толстого чернокожего старика, кажется.

– Бога! – прошептал Кердон, благоговейно воздев очи к небесам, где сияли мириады звезд. – Я, например, раньше никогда богов не видел. И никогда даже знаком не был с человеком, который бы видел хоть одного из них. Духов – да, многие их видели, но не богов.

– Тогда почему же ты так уверен, что это был бог? – спросил я.

– Мы все танцевали. И я тоже – я не мог устоять на месте. О, это был настоящий бог! Но ты увидел его, когда никто из нас его еще увидеть не мог. А потом ты его коснулся, и мы тоже его увидели. Все это могут подтвердить.

Рядом со мной тихонько зашипела та женщина-змея. Она старалась держаться подальше от огня, однако языки пламени отражались в ее зеленых, точно изумруды, глазах, настойчиво требовавших: "Отдай его мне!" Я слышал, как шуршит ее чешуя – точно из ножен то вынимали, то вкладывали обратно кинжал, – когда она нетерпеливо елозила по молодой траве.

– Нет, – сказал я.

– Да что ты, все помнят! – настаивал Кердон. – Сам-то я видел его так же хорошо, как тебя сейчас. Вот только выглядел он не как обычный человек.

– Нет, – снова сказал я женщине-змее, и глаза мои сами собой закрылись от усталости.

– Ты знаешь, кто такая Великая Мать-богиня?

Я снова открыл глаза и, поскольку лежал на животе, подпер голову руками, чтобы снова не уснуть. Я видел ноги Кердона и примятую траву, казавшуюся в свете костра черной.

– Нет, не знаю, – сказал я и прибавил:

– Хотя где-то я о ней, кажется, слышал.

– Спартанцы называют нас рабами, однако были и мы некогда свободны.

Многие из нас служили гребцами на галерах Миноса, однако делали это за деньги и во имя его славы, которую делили с ним.

Кердон, и без того говоривший шепотом, теперь совсем понизил голос, и я с трудом мог его расслышать, хотя он почти касался губами моего уха.

– Мы поклонялись тогда Великой Матери-богине⁴³ и теперь остаемся ее верными почитателями. Считается, что ее сместил Громовержец. Он силой овладел ею, и такова была его мощь, что она родила ему две Пятерни – пять мальчиков и пять девочек. И все же она ненавидит его, хотя он одаривает ее ливнями и расщепляет молниями ее дубы, демонстрируя свою силу. Спартанцы говорят, правда, что дубы принадлежат Громовержцу, однако этого быть не может. Если б они были его, разве он стал бы их ломать?

– Не знаю, – сказал я. – Возможно.

– Все деревья принадлежат ей, – прошептал Кердон. – Ей одной. Именно поэтому спартанцы заставляют нас срубить их, выкорчевывать пни и распахивать поля. Весь Лакедемон был покрыт дубами и соснами, пока мы были свободны. А теперь спартанцы утверждают, что не только Спартой, но и всем Пелопоннесом правит Охотница, потому что она любимая дочь Громовержца, и требуют, чтобы мы забыли о Великой Матери-богине. Но мы ее не забываем. И никогда не забудем.

Я попытался кивнуть, но голова была точно свинцом налита.

– Да, мы считались их рабами, но теперь нам пришлось стать воинами. Ты ведь видел мои дротики и пращу?

Я не мог припомнить, но сказал, что да, видел.

– Еще год назад они бы просто убили меня, если б только я до кого-то из них дотронулся. Только они имели право носить оружие, и все арсеналы тщательно ими охранялись. Но потом пришли войска Великого царя, и мы понадобились спартамцам в качестве воинов. А разве можно заставить воинов оставаться рабами? Грядет восстание!

– А для начала ты, видно, хочешь, чтобы я, будучи твоим рабом, восстал против тебя, – сказал я. Мне было совершенно ясно, что именно за этим он и пришел.

– Конечно! – И он плюнул мне в лицо.

– Но ведь сейчас здесь никаких спартанцев нет. – Я сел, протирая глаза.

– Или есть? Или все-таки эта страна тоже принадлежит им?

– Нет у них никакой страны! Только один полис. А весь Пелопоннес принадлежит нам! И ни в какой мы сейчас не в Спарте. Она куда южнее, далеко отсюда.

– Так зачем же туда возвращаться? Ведь у тебя есть и верные друзья, и оружие.

– Там остались наши жены и дети. И ты должен пойти с нами. Ты должен найти Великую Мать-богиню и коснуться ее, как того бога. Мы же коснемся губами лишь земли у ее ног, ибо это означает поцеловать Мать-Землю. А потом мы прогоним спартанцев, вновь оттесним их к самому морю, и наша богиня станет править нами. Твой меч у меня, и я отдам его тебе, если ты согласишься возглавить наш отряд. И станешь верховным жрецом нашей богини.

– Хорошо, я согласен, – сказал я. – Выступим утром, после ночного отдыха.

– Отлично! – Кердон широко улыбнулся, и я увидел, что три передних зуба у него выбиты. – Ты не забудешь?

– Я запишу.

– Нет, – сказал он. – Не записывай, это могут прочесть.

Но я все-таки записал весь наш с ним разговор.

Он отошел в сторонку, растянулся на земле и мгновенно уснул, и тут ко мне снова явилась та женщина-змея.

– Ну что, отдашь его мне?

⁴³ Кердон имеет в виду Гею, которую он отчасти отождествляет с Деметрой.

– Кто я такой, – удивился я, – чтобы решать его судьбу, сказав тебе "да" или "нет"?

– Дай ему что-нибудь из своих вещей, – посоветовала мне женщина-змея, – омой его водой или хотя бы коснись его. Если ты его всего лишь коснешься, он сразу станет настоящим.

– Он и так настоящий, – возразил я. – Настоящий человек из плоти и крови, как и я. Это ты – ненастоящая. – Я рассердился, однако ее слова заставили меня призадуматься.

– А что может быть более эфемерным, чем эти его мечты! – презрительно прошипела женщина-змея. Когда она говорила, изо рта у нее вырывался раздвоенный язычок голубоватого пламени. – Ну а ты? О чем, собственно, мечтаешь ты сам? Вдруг да и я могу помочь тебе?

– Все мои мечты о том, чтобы выспаться, – ответил я. – Спать долго-долго и видеть сны о родном доме.

– Ну так коснись его – ради меня! Я тут же исчезну, однако если я встречу одного из фавнов, что навевают сны, то прикажу ему послать тебе именно тот сон, о котором ты мечтаешь.

– Кто ты? – спросил я, ибо все еще не мог отделаться от прежних мыслей.

– Дочь Энодии, богини мрака⁴⁴. – Она подняла глаза к луне, что, сияя, покачивалась в кольце нежных женских рук.

– Это она держит в своих руках луну? – спросил я. – Я вижу ее, но никогда не сказал бы, что она мрачна.

– Сейчас она в обличье Охотницы, – прошипела женщина-змея, – и Селены.

Любуйся обеими сколько захочешь, пока не сошел в иной мир.

И она исчезла.

Я снова попытался уснуть, однако бог сновидений не осенял меня своими крылами, хоть я и видел, как он стоит, закрыв глаза, на самой границе светлого круга у костра. Мгновение – и он повернулся, исчезнув в царстве теней. Я подумал, что следовало бы записать все это в мой дневник, но слишком устал. Приблизив папирус к огню насколько возможно, я попытался немного почитать, но тут ко мне подошел Пиндар.

– Я вижу, и тебе тоже не спится, – сказал он. – Для рабов бессонница – сущее зло. Раб должен научиться спать при любой возможности.

– А что, разве мы рабы? – спросил я.

– Теперь да. Нет – еще хуже, ибо теперь мы рабы рабов Спарты. Вскоре они доставят нас своим хозяевам, и тогда, возможно, мы станем просто рабами. Пожалуй, это чуть лучше, но я бы особенно радоваться не стал.

– Мы должны будем плести для них веревки? – спросил я, по-прежнему считая спартанцев изготовителями веревок и канатов.

– Вообще-то, – засмеялся Пиндар, – никаких веревок они не плетут. Во всяком случае, не больше, чем в любом другом городе. Если нам очень не повезет, нас отправят на каменоломни. Это самое худшее, что может выпасть на долю раба. – Я понял его и кивнул. – Но, надеюсь, со мной такого не случится. Афиняне, конечно, могут разрушить наш Светлый город и забрать все мое имущество – они ненавидят фиванцев! – однако у меня есть друзья даже в Афинах; есть и определенный талант.

– Стало быть, ты беспокоишься главным образом о девочке и обо мне?

– И о Гилаейре, и о нашем чернокожем приятеле. Если меня освободят, я постараюсь выкупить на свободу и всех вас. А еще нам могло бы помочь твое пение, особенно если ты споешь для спартанцев так же хорошо, как пел сегодня под аккомпанемент темнокожего бога. Они, правда, предпочитают хоровое пение и не слишком ценят солистов, однако перед твоим голосом никто устоять не смог бы. И никто не стал бы, разумеется, держать такого замечательного певца в рабстве. Ну как, сможешь спеть им?

⁴⁴ Богиня мрака – Геката, покровительница колдунов и призраков; часто отождествляется с Артемидой и Селеной.

Мне очень хотелось доставить ему удовольствие, и я даже попытался что-то напеть, однако не смог вспомнить слов той песни, не говоря уж о мелодии.

– Ну ничего, – утешил меня Пиндар. – Уж я как-нибудь да постараюсь всех освободить. Ведь в твоей памяти ничего не осталось – по глазам видно, ты и о чуде этом уже позабыл.

– Прости, – сказал я искренне.

– За что же? Ты ничем не обидел меня. – Он вздохнул. – И тебя, Латро, мне жаль больше всех остальных.

Я спросил, не помнит ли он слов той песни.

– Нет, – сказал он. – Почти ничего. Но я помню, как они звучали – словно могучий прибой, что бьется о скалы, и грозно вторит раскатам грома.

Так и должна звучать истинная поэзия!

Я кивнул, потому что он явно ждал этого от меня.

– Но мои стихи никогда не звучали так, увы! Впрочем, после твоего пения и я стал, по моему, чуточку ближе к высотам истинной поэзии. Послушай-ка вот это:

*Стрелы тонкие есть у меня лишь для мудрых сердец,
Их направляет Природа, свой приз предлагая,
Но стоит прицелиться в гуцу толпы на равнине -
Слышат глупцы лишь свист ветра.
Так кто ж объяснит им?*

– Ну, как тебе?

– Очень понравилось!

– Да? А мне не очень. Но, пожалуй, это лучше, чем все, написанное мною прежде. В нашем замечательном городе есть – были, точнее! – несколько поэтов, действительно не раз державших в руках стиль. Так мы, поэты, говорим: "держать в руках стиль" на нашем языке значит работать, точно нет никакой разницы, какую именно работу делать – сочинять стихи или плести у очага циновки. Каждый месяц мы встречались и читали друг другу свои последние сочинения, притворяясь, будто не понимаем, что ни одна из этих строк никогда и никем более прочитана не будет. И если мои собственные стихи казались мне после такой пирушки самыми лучшими – ну как же, я ведь был главным в нашем маленьком кружке, чуть ли не гением (лишь в собственных глазах, разумеется) – то весь следующий месяц я был счастлив.

Как гордился я, например, своей маленькой одой в честь Пифийских игр!⁴⁵.

– Я думаю, – промолвил я, – каждому в той или иной степени свойственно тщеславие. Я, например, безусловно тщеславен.

– Но ты безусловно и очень хорош собой, – пожал плечами Пиндар. – И безусловно очень силен, что доказал не далее как сегодня. Что же касается нас, тогдашних, то я понимаю теперь, что мы вели себя всего лишь как шумные самовлюбленные юнцы, тогда как давно пора было стать истинными мужами и научиться хранить хладнокровие. Но сегодня днем я услышал настоящего бога и надеюсь, что еще не все потеряно. Очень надеюсь! Латро, я бы никогда не стал хвастаться перед тобой – ведь это не что иное, как самое настоящее хвастовство, – если б не был уверен, что ты скоро позабудешь все, о чем я только что говорил.

– А я все это запишу, – сказал я.

– Ну вот, пожалуйста! – Пиндар негромко засмеялся. – Боги, как всегда, умеют отомстить хвастуну!

Зовем мы ночь, желая скрыть деяния свои,

⁴⁵ Пифия – жрица-прорицательница в храме Аполлона в Дельфах. Сидя на треножнике, вдохновляемая Аполлоном и в состоянии экстаза, Пифия сообщала предсказания, которые поэт переводил в стихотворную форму. Пифийские игры устраивались близ Дельф в честь Аполлона, который учредил их, убив змея Пифона.

Но Ночь-богиня мужу все наши тайны выдает.

– Это мне тоже нравится, – сказал я.

– Сочинено специально для тебя сию минуту и подано, так сказать, с пылу с жару. Пожалуй, тут что-то есть... хотя, может, лучше: "Нужна нам ночь..."

– Пиндар, а что, действительно существует бог ночи?

– Их, по крайней мере, дюжина.

– А нет ли среди них богини с телом змеи и головой женщины? С буйными черными волосами, никогда не знавшими гребня?

Он некоторое время молча смотрел на меня, потом снова задумчиво поворошил угли.

– Ты ее видел, верно? Нет, то была не богиня – просто одно из ее чудовищ. Говорят, Геракл некогда избавил от них наш мир⁴⁶, но он вот уже четыреста лет как вознесся на Олимп, так что, наверно, они напоззли снова. А сейчас ты ее видишь?

Я покачал головой.

– Это хорошо. Я все-таки надеюсь хоть немного поспать, пока эти рабы не начали суетиться. Если снова увидишь то чудовище, главное – не касайся его. Обещаешь?

– Обещаю. – Я чуть не сказал, что меня могут просто заставить его коснуться, но промолчал.

Пиндар встал и потянулся.

– Ладно, попробую уснуть. Хорошо бы обойтись без снов и кошмаров. Мне следовало бы, по твоему примеру, написать себе записку, запрещающую вести с тобой беседы по ночам. Увы, мне не хватает твоего прилежания. Еще раз спокойной ночи, Латро.

– Спокойной ночи, Пиндар.

Когда он ушел, детская ручонка обвила мою талию.

– А тебя я помню, – сказал я девочке. – Ты Ио. Я только что прочитал о тебе.

– Я принадлежу только тебе, – возмущенно сказала она. – И никто не имеет права делать со мной то, что сделали они. Только ты один!

– Что же они с тобой сделали? – спросил я, но она не ответила. Обняв ее за плечи, я заглянул ей в лицо и при свете костра увидел дорожки слез, избороздившие запыленные щеки девочки. – Не бойся. Если та женщина-змея снова придет, я скажу, что уж тебя-то она никогда не получит.

Ио покачала головой.

– Дело не в ней. Я убежала и теперь за это наказана.

– Убежала от меня? Я бы никогда не стал наказывать тебя, маленькая Ио, если б ты это сделала.

Она снова покачала головой.

– Я убежала от Светлого бога. И солгала, когда сказала, что он отдал меня тебе.

– Возможно, все-таки не совсем солгала, – возразил я. – Ведь ты принадлежишь мне, верно? – Прижимая ее к себе, я видел мелькавшие во тьме тени и надеялся, что получу какой-нибудь вещий знак, но знака не было. – К сожалению, боги совсем не похожи на нас, маленькая Ио.

⁴⁶ Имеется в виду второй подвиг Геракла – убийство им Лернейской гидры, которая похищала скот и опустошала поля, и гигантского рака Каркина.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 7 ВОЗЛЕ ВЫТАЩЕННЫХ НА БЕРЕГ КОРАБЛЕЙ

Наша палатка действительно очень мала. Проснувшись, я обнаружил рядом этот свиток и, поскольку часовой наружу меня не выпустил, решил пока почитать, чтобы не тревожить своего чернокожего соседа (в данный момент он самозабвенно вырезывает из дерева какую-то куколку).

Но стоило мне углубиться в чтение, как вошел воин в прекрасных бронзовых доспехах, и я принял его за лекаря, описанного в самом начале моего дневника. Оказалось, что это совсем другой человек.

– Имя мое Гиперид, парень, – сказал вошедший. – Триерарх⁴⁷ Гиперид.

Теперь я твой хозяин. Что же ты притворяешься, будто не знаешь меня?

– Наверное, я просто забыл. Из-за своего ранения я очень быстро все забываю, – предположил я.

Он грозно нахмурился и погрозил мне пальцем.

– Поймал я тебя! Если ты действительно забываешь все, то почему же помнишь о своем недуге?

Я объяснил, что прочел об этом в книге, и показал, где именно.

– Что ж, прекрасно! Я вижу, у тебя на все ответ найдется, – воскликнул Гиперид.

– Нет, к сожалению, – сказал я, – хотя мне бы очень этого хотелось. Но если ты все же не тот лекарь, то не скажешь ли, где я теперь нахожусь?

В уголке палатки стояла скамья (сейчас я как раз устроился на ней, чтобы сделать записи в дневнике). Гиперид подвинул скамью поближе, сел и знаком велел мне сесть у его ног.

– Доспехи уж больно тяжелы, – пояснил он со вздохом. – По молодости-то я этого не замечал, а в детстве больше всего любил смотреть, как проезжают всадники в латах во время Панафиней⁴⁸. Ничего, скоро и ты привыкнешь садиться, как только представится возможность немножко передохнуть. – Он снял свой шлем с великолепным синим султаном из конского волоса и поскреб лысую голову. – Стар я стал, чтоб красоваться в доспехах. Знаешь, мой мальчик, я ведь участвовал еще в сражении при Марафоне⁴⁹, лет десять назад. Вот уж была битва так битва! Хочешь, расскажу?

– Да, – сказал я, – очень!

– Правда хочешь? И не просто так говоришь, чтоб удовольствие пожилому человеку доставить?

– Нет, мне действительно интересно. Может, и я что-то вспомню о том сражении, когда меня ранили.

– Неужели ты совсем ничего не помнишь? Ведь я тебе только вчера эту историю рассказывал! Нет, вижу – действительно не помнишь. Прости, я вовсе не хотел тебя обидеть. – Он

⁴⁷ Триерарх – дословно: владелец триер. Триера (римская трирема) боевое гребное судно, имевшее три ряда весел.

⁴⁸ Панафиней – основной праздник в честь Афин и их покровительницы Афины; праздновался раз в четыре года в середине лета и сопровождался принесением даров богине, музыкальными и атлетическими соревнованиями, а также конными скачками.

⁴⁹ Марафон – поселение на северо-восточном побережье Аттики. Здесь афинское войско в 490 г. до н.э. разгромило персидскую армию и обеспечило господствующее положение Афин. Отправленный с победной вестью гонец пробежал 40 километров и упал замертво (отсюда выражения марафонский бег" и «марафонская дистанция»).

смущенно покашлял. – Что ж, будь по-твоему, расскажу снова. Видишь ли, мой мальчик, на самом деле я просто богатый купец, хотя при виде моих лат вряд ли тебе это пришло бы в голову. Я кожами торгую, Гиперида все кожевенники и купцы знают! – Он помолчал, погрузился, улыбка сползла с его лица. – Но наше Собрание поручило мне полностью оснастить целых три корабля.

– Три корабля?

– Ну да! Нужно было их построить, оснастить, нанять гребцов и воинов...

Стоит все это немало. Нет, ты просто не представляешь себе, сколько это стоит! Хочешь взглянуть на мои корабли, сынок?

– Конечно! По-моему, я когда-то прежде видел корабли, и они были просто замечательными.

– Еще бы! – откликнулся Гиперид и сказал чернокожему:

– И ты тоже можешь с нами пойти.

Я оглянулся и увидел, что мой сосед давно уже отложил свою куклу и ножик и теперь спрашивает знаками у Гиперида разрешения последовать за нами.

– Они пойдут со мной, – сказал Гиперид стражнику у входа. – А ты, пожалуй, больше здесь уже не нужен. Ступай к Ацету и спроси, чем тебе теперь заняться.

На берегу лежали три корабля; их выкрашенные красной краской борта облепили люди, которые затыкали шпаклеванные швы волосом и заливали смолой.

– У мыса Малейя мы попали в бурю, – пояснил Гиперид, – и сильно повредили обшивку, так что, когда мы достигли Коринфа, воды просачивалось слишком много. Когда кожами по всей Элладу торгуешь, то и корабельному ремеслу постепенно учишься. Вот я и решил проконопатить суда здесь, а не пытаться доплыть в таком виде до дому. Там, боюсь, меня ожидает очередной приказ, так что придется снова выходить в море. Да и на пути в Афины можно наткнуться на военные корабли варваров, тогда уж точно ничего хорошего не жди.

– А что это за варвары? – спросил я.

– Как, неужели не помнишь? Разумеется, флот Великого царя, над которым мы с помощью Борея⁵⁰ одержали победу в Саламинском проливе⁵¹. Вот это был бой! Видел бы ты наши тараны, мой мальчик! Они пробивали даже бронзу! И – можешь мне не верить, но это чистая правда – в море вылилось столько крови, что волны плескались у бортов на целую пядь выше обычного, словно мы вошли в эстуарий и собирались подниматься вверх по течению реки.

Должен сказать, все мои люди сражались как настоящие герои! Каждое весло было подобно разящему копыю. А вон тем кораблем я командовал лично. Это моя "Европа". Сто девяносто пять гребцов, дюжина воинов, не считая меня самого, и еще четыре сына Сколота⁵² – отличные лучники. Воинам-то платить не нужно – они, как и я, уроженцы нашего города или из тех иноземцев, что постоянно живут вместе с нами. Но вот гребцам, мальчик мой!... Великие боги, сколько же нужно платить гребцам! Три обола в день каждому, да еще еда. И вино, которое они добавляют в воду! Каждому лучнику я плачу по драхме в день. И еще по две драхмы кибернетам!⁵³ Вот и получается без малого двенадцать «сов» в день только на одной «Европе»! А на всех трех судах выходит все двадцать. – Он помолчал, хмуро глядя в землю, потом поднял голову и улыбнулся. – А ты знаешь, что означает имя моего корабля, сынок? Ведь Европу похитил сам Громовержец, превратившись в быка. Так что стоит людям увидеть

⁵⁰ Борей – бог северного ветра, сын титанидов Астрей (звездного неба) и Эос (утренней зари).

⁵¹ Каламин – остров, который из-за своего выгодного для судоходства положения долго был объектом споров между Афинами и Мегарой. Во время персидской войны служил афинянам убежищем. В 480 г. до н.э. в Саламинском проливе произошла знаменитая морская битва, во время которой персидский флот, состоявший из больших, малоподвижных кораблей, был полностью разгромлен маленькими, юркими греческими триерами.

⁵² Сколот – древний царь одного из скифских племен.

⁵³ От греч. kibernetike – искусство кораблевождения; кибернет – здесь: шкипер.

название «Европа», как им сразу представляется бык... Погоди, еще увидишь ее под парусом! А о чем заставляет их вспомнить бык? Как, неужели не догадался? О коже, конечно!

Потому что самая лучшая и прочная шкура – бычья. И знаешь, что я тебе скажу, сынок? После этой войны потребуется немало щитов обить кожей! Такая вот цепочка: кожа – бык, бык – Европа, "Европа" – Гиперид. Ну и, разумеется, та Европа дала название целому континенту, куда более обширному, чем страна ее брата⁵⁴ и Ливия вместе взятые. Впрочем, варвары пришли с совсем другой стороны... Можно и так: Европейский континент, Европа – Европа-женщина – судно «Европа» – Гиперид. Ну, у кого будут покупать шкуры после окончания войны?

– У тебя, конечно. – Я глаз не мог оторвать от кораблей; по-моему, не бывает более прекрасных творений рук человеческих, хотя пахли суда всего лишь смолой и лежали на берегу, точно выброшенные морем огромные бревна. – Знаешь, – сказал я Гипериду, – если та Европа была столь же стройной и прекрасной, как твои корабли, то ничего удивительного, что Громовержец ее похитил. Любому настоящему мужчине захотелось бы похитить такую! – Пусть пока не догадывается, что я совсем не помню, кто такой этот его Громовержец.

Гиперид надел свой шлем, однако забрало поднял, и оно выглядело как козырек шапки. Потом снова снял шлем и потерял лысину.

– Что до меня, – сказал он, – то я всегда считал, что Европа должна быть, если можно так выразиться, женщиной в теле. По-моему, только ради такой, пухленькой и аппетитной, и стоило богу превращаться в быка. А ты как думаешь? И потом, он ведь вез ее на спине и для этого выбрал именно обличье быка, а значит, не такой уж она была легонькой, верно? – Гиперид обнял меня за плечи. – Ах, мальчик мой, многие заблуждаются, считая, что женщина, способная доставить истинное наслаждение, должна непременно быть тонкой и гибкой, как юноши из палестры⁵⁵. Вот погоди, доберемся до дому, и я познакомлю тебя с одной гетерой по имени Каллеос – сам убедишься в моей правоте. Да и потом, девушку, у которой на костях довольно плоти, куда легче поймать; в моем возрасте начинаешь ценить подобные преимущества.

Пока мы издали любовались кораблями, чернокожий сбегал к ним и все разузнал. Он вернулся, когда Гиперид вовсю расхваливал эту свою гетеру.

Чернокожий присел перед нами на корточки, мотнул головой в сторону кораблей в синей морской дали и стал что-то быстро чертить пальцем на песке.

– Смотри-ка, – удивился Гиперид, – да ведь этот парень отлично разбирается в том, какие у варваров суда! Наверно, вы оба не раз их видели, ведь ты служил в армии Великого царя, а его корабли по всему морю плавают.

– А что, у него их так много? – спросил я.

– Более тысячи боевых, да еще торговые, они им продовольствие подвозят, и еще особые суда есть – для перевозки лошадей. Я тебе вот что скажу: во время Саламинского сражения даже воды порой видно не было – кровь да обломки судов! – Гиперид тоже присел на корточки и сам стал рисовать и показывать. – Вот Аттика, вот Пирей – там у меня был большой склад, пока его не сожгли. Мегар, бывший управляющий этим складом, теперь капитаном на моей "Эйидии". А капитан моей "Клитии" – уроженец острова Кеос. В Пирее стоял наш флот, прежде чем направился к Артемисию⁵⁶. А это остров Саламин и одноименный город. У нас и было-то всего кораблей триста, и за ночь до битвы мы разместили их в трех бухтах у Саламина. Мои суда стояли вот здесь, вместе со всем афинским флотом. Знаешь, мой мальчик, если торговое судно может и полмесяца в открытом море находиться, то военный корабль должен

⁵⁴ Брат Европы, Кадм, считался основателем Фив, которые построил согласно указанию дельфийского оракула.

⁵⁵ Палестра – место для спортивной борьбы и упражнений.

⁵⁶ Артемисий – предгорная местность и мыс на северо-западе Эвбеи. У этого мыса в 480 г. до н.э. между персами и греками произошло морское сражение, в котором ни одна из сторон не могла одержать победу.

приставать к берегу, по крайней мере, через день – ведь на нем столько народу, что даже воды вволю на всех не напасешься.

– Понятно, – сказал я.

– Флотом командовал Фемистокл, и он велел своему рабу переплыть пролив, испросить аудиенции у Великого царя и сказать, что его послал Фемистокл (как оно и было в действительности), который желает стать сатрапом всей Аттики, а потому спешит донести Великому царю, что афинские суда спустят на воду завтра и они пойдут в Коринф для укрепления тамошнего флота. – Гиперид захихикал. – И Великий царь всему этому поверил! И загнал все свои корабли в Коринфский залив, желая перекрыть нам путь к Коринфу. А тем временем наши стратеги – Фемистокл и спартанец Эврибиад⁵⁷ – вывели несколько кораблей из коринфской гавани, чтобы египтяне не напали на нас с тыла. Многие жители города и до сих пор думают, что те коринфские суда попросту дезертировали. Ты уж, наверно, и сам догадался, что раб Фемистокла нарочно пустил этот слухок, к тому же корабли действительно куда-то ушли, якобы бросив основной флот.

Чернокожий мотнул подбородком, указывая на матроса, который бежал к нам по берегу. Гиперид выслушал моряка и предложил нам вернуться в палатку.

– Дайте мне слово, что не вздумаете бежать, – сказал он нам. – Уж больно не хочется держать вас в цепях. Впрочем, если попытаетесь удрать, придется все-таки заковать вас. Понятно? Я сказал, что вполне.

– Ах да, ты же и об этом забудешь! – Гиперид обернулся к моряку и сказал:

– Оставайся пока с ними, а потом я пришлю кого-нибудь тебе на смену. Вряд ли они станут причинять беспокойство, только не отпускай их далеко от палатки.

И вот теперь этот моряк сидит рядом с нами; имя его Лисон. Он поинтересовался, рассказывал ли мне Гиперид о битве при Саламине. Я ответил, что начал, но закончить не успел, так как его отозвали, и я с нетерпением жду продолжения рассказа.

Тут Лисон улыбнулся и сказал, что вчера Гиперид уже показывал нам свои корабли и рассказывал о том сражении. Сам же он в это время как раз заготавливал деревянные гвозди, так что большую часть вчерашнего рассказа Гиперида слышал.

– А потом Гиперид повел вас взглянуть на других пленных. Он хотел расспросить вас о них. И среди пленных была одна девочка, которая с разрешения Гиперида передала тебе эту книгу. А еще он позволил этому чернокожему парню оставить при себе ножик – у меня у самого почти такой же, – потому что тот хотел вырезать из дерева какую-то игрушку.

Я спросил, почему нас с чернокожим не заковали в цепи, как остальных пленных.

– Так ведь они беотийцы! К тому же вы полюбились нашему Гипериду: вы идеальные слушатели, а он без конца может рассказывать всякие истории. – Лисон засмеялся.

– Наверно, все ваши матросы смеются надо мной? – спросил я.

– Вот уж нет. У нас и без тебя дел хватает. Да если уж смеяться, так над Гиперидом, а не над тобой. Впрочем, если мы над ним и посмеиваемся порой, так только любовно.

– Хороший он командир?

– Очень хороший! Хотя, пожалуй, слишком беспокойный, – ответил Лисон. – Очень много всего знает – о ветрах, о всяких течениях. И я скажу, даже хорошо, когда на судне есть человек, который обо всем беспокоится. Гиперид очень удачливый и богатый торговец – ему потому такое ответственное дело и поручили – да к тому же он умеет достать продовольствие по более низкой цене, но на команде никогда не экономит, как часто делают хозяева других судов.

⁵⁷ Фемистокл (524–459 до н.э.) – государственный и военный деятель из Афин, создатель военного флота, который применил в битве у мыса Артемисий и в Саламинском сражении и одержал победу. Эврибиад – спартанец, верховный командующий при битве у острова Саламин.

– А по-моему, странно, когда торговец командует боевыми кораблями, – сказал я. – Может, кавалерист с этим справился бы лучше?

– А что, в вашей стране именно так принято?

– Не знаю. Возможно.

– У нас, в Афинах, кавалерия всегда воюет верхом на лошадях, и больше ее никак не используют. Но послушай: если ты говорил Гипериду правду и действительно не помнишь, откуда ты родом, так нужно всего лишь поискать такую страну, где кавалеристы могут командовать и боевыми кораблями!

Может, это где-то в империи?

Я спросил, где расположена упомянутая империя.

– Разумеется, на востоке! С кем, по-твоему, мы сражались при Саламине?

– С Великим царем. Так мне сказал Гиперид.

– Ну вот! Великий царь и правит империей! И ты, видно, в его армии служил – меч у тебя персидский и латы. Как ты думаешь, где тебя ранили?

Я покачал головой, ибо не помнил этого, и вдруг заметил, что еще недавно мне было больно делать это движение.

– В бою, наверное. Но я ничего не помню.

– Ах ты, бедняга! Неплохо было бы пригласить к тебе лекаря да сделать перевязку – на твоих бинтах грязи, что песку на берегу.

Чернокожий все это время прислушивался к нашему разговору и, похоже, понимал, о чем речь, хотя сам не сказал ни слова. Теперь он знаками стал объяснять, что, если б ему позволили выстирать мои бинты (он живейшей пантомимой изобразил, как трет их о камень и отбеливает с-помощью другого камня), он высушил бы их на солнце и снова забинтовал меня.

– Ну хорошо, – сказал Лисон, – а как же оставить одного этого, забывчивого? Вдруг он уйдет куда-нибудь и заблудится?

В ответ чернокожий знаками пояснил, что никогда со мной не расстанется.

– А если он забудет про тебя и все же уйдет?

Чернокожий сделал вид, что не понял.

Лисон показал на свою голову, что-то написал пальцем на песке и стер написанное.

Чернокожий кивнул и тоже стал рисовать на песке, изображая, как солнце обходит небо-склон и заходит на западе, а затем стер рисунок.

– Ага, значит, тебе потребуется целый день?

Чернокожий кивнул и размотал мои бинты, и они с Лисоном быстро пошли к воде. Они явно быстро нашли общий язык. А я пока решил дочитать свиток до конца.

Они уже давно вернулись, а я все еще пишу, и вот что странно: теперь я вроде бы знаю о своем прошлом еще меньше, чем прежде, – так много невероятного описано в моем дневнике, так много упомянуто каких-то людей, которых я совершенно не помню. И я знаю – это она отдала мне вчера свиток. Но еще упоминаются какой-то Пиндар, Гиладель и Кердон... И куда делась та женщина-змея? И каким образом мы с чернокожим оказались здесь?

Глава 8

В МОРЕ

Наш корабль так качает, что мне трудно писать, но я учусь приспосабливаться к любым условиям. Моряки утверждают, что часто бывает куда хуже, и мне нужно научиться ходить, есть, пить, делать записи и все остальное, пока море не разбушевалось совсем. «Когда обогнешь мыс Малей, забудь о доме», – говорят моряки. Ну, дом-то свой я помню, зато все остальное совершенно позабыл.

Наша триера "Европа" – самая большая из трех. А у гребцов в верхнем ряду самые длинные весла, и они считают себя самыми важными на корабле, как бы поплеывая на других свысока. Однако же платят всем гребцам одинаково. Сейчас мы идем под парусом, так что у гребцов работы нет, только один-двое вычерпывают воду. Впрочем, говорят, скоро им придется потрудиться. А пока кое-кто даже уснул прямо на скамье, хотя, по-моему, вчера ночью выпались все.

Я пишу, сидя на носу корабля и удобно прислонившись к высокой прямой мачте. Ниже ватерлинии (я знаю это, хотя в данный момент его и не вижу) находится наш таран. Моряки считают, что он похож на барана – во всяком случае, таким его попытался изобразить художник, однако, по-моему, черные, узко поставленные глаза делают это чудовище из позеленевшего металла похожим скорее на рассерженную хищную птицу. Когда я стою на носу и гляжу вниз, то таран хорошо виден под водой. Вода небесно-голубого цвета и совершенно прозрачная, однако в ней отражаются облака и дно увидеть невозможно.

Длинный канат-растяжка тянется от носа, где я сижу, до самого кончика мачты; такие же растяжки расходятся от мачты к обоим бортам корабля и ахтерштевню, удерживая мачту, когда ветер надувает парус. Этот парус укреплен немного наклонно, а остальные совершенно прямо. Сейчас ветер попутный, и гребцы бездельничают, а широкий парус трудится вместо них.

Парус крепится на длинной рее, поднятой почти к самой верхушке мачты.

На парусе нарисован бык, но не просто голова, вроде той, что вырезаны на ахтерштевне, а целиком; и мне этот рисунок нравится чрезвычайно. Бык черный, нос у него золотой, копыта тоже золотые, а голубым своим глазом он дико косится назад, точно желая взглянуть на сидящую у него на спине женщину. Мощный хвост быка задран, и, по-моему, с другого корабля должно казаться, что великолепный зверь бежит прямо по волнам.

У женщины, что сидит на нем верхом, рыжие волосы, синие глаза и двойной подбородок. Она улыбается и гладит быка между рогами.

Длинная узкая палуба судна начинается от того места, где я сижу, и тянется до ахтерштевня, где находятся два рулевых и кибернет, наблюдающий за парусом. Пленные прикованы цепями к мачте возле люка, ведущего в трюм.

Нашего капитана зовут Гиперид. Это мужчина средних лет, не слишком моложавый, толстый и лысый, однако держится молодцом и весьма энергичен.

Ростом он пониже меня. Когда он снова подошел ко мне, я спросил, как называется страна по левому борту, и он ответил:

– Пелопоннес, Глиняный остров⁵⁸, мальчик мой.

Меня удивило такое название, и я рассмеялся.

– Странное название, правда? – Гиперид тоже засмеялся. – Но именно так он и называется. Назван в честь старого Пелопса, который правил там много веков назад.

– А что, у него лицо было красное, как глина?

⁵⁸ Латро переводит название острова, используя греческое слово pelos – глина, а Гиперид рассказывает ему легенду о Пелопсе (или Пелопе), сыне мифического Тантала, который считался владыкой всего Пелопоннеса, то есть «острова Пелопса».

– Так говорят. Сатирики любят над ним подшучивать; одни утверждают, что лицо у него было багровое из-за чрезмерной любви к вину, другие намекают, что Пелопс, когда гневался, краснел, топал ногами и чихал. Если хочешь знать мое мнение, то не правы все. Разве его мать могла знать заранее, что он, например, станет пьяницей? Возможно, младенцем он действительно часто капризничал и сердился – у богов такое частенько случается, – да только разве кому-нибудь из-за этого давали имя Сердитый? Я вот что думаю: этот Пелопс просто родился с огромным красным пятном во все лицо – знаешь, у некоторых детей бывают такие родимые пятна? В общем, это не важно. На Пелопоннесе как раз и находятся Коринф и Спарта.

Потом Гиперид рассказал мне о Саламинском сражении и о том, как его корабли были спрятаны в бухте у берегов острова Саламин. Рано поутру, в густом тумане, корабли варваров вошли в пролив, однако вахтенный услышал пение их гребцов и подал сигнал. Тогда-то триеры Гиперида и другие корабли Афин и Спарты и вышли варварам навстречу.

– Стоило на нас посмотреть в эти мгновения, мальчик мой! Все громко выкрикивали слова победного гимна, каждое весло взлетало в воздух, точно стрела из натянутого лука!

Афиняне и спартанцы ударили варварам в лоб, а корабли Саламина тем временем обошли Песий хвост, узкую песчаную косу, и ударили по врагу с фланга. Но у персов было так много кораблей, что, даже когда часть их отступила, персидский флот, казалось, ничуть не уменьшился. Остатки вражеского флота рассеялись меж островов, и многие военные корабли Афин и Спарты, а также почти весь флот Коринфа по-прежнему охотятся за ними.

Гиперид уверен, что я служил в войсках Великого царя, и я спросил: может быть, я тоже варвар?

– Да нет, вроде бы на варвара⁵⁹ ты не похож, – задумчиво промолвил он. – Говоришь как мы. Да и, честно сказать, многие эллины тоже сражались на стороне Великого царя – почти столько же, сколько и против него. Видишь вон тех людей, которых я велел заковать в цепи? Они из Фив – это легко определить по их выговору. Так вот, их полис был союзником Персидской империи, и мы непременно сожжем Фивы дотла, как Великий царь сжег наши родные города.

Солнце поднялось уже высоко и сильно припекало, однако основание мачты было скрыто тенью от паруса. Когда Гиперид отошел обсудить что-то со шкипером, я приблизился к пленным, к которым был приставлен один из лучников. Этот лучник все посматривал в сторону Гиперида: вдруг тот будет недоволен моим появлением, но Гиперид стоял к нам спиной, ничего не видел, и лучник ничего ему не сказал.

Сперва опишу, пожалуй, этих лучников, пока не забыл. Они носят штаны в обтяжку и высокие шапки из лисьего меха. По-моему, одежда эта чрезвычайно неудобна в нашем климате – пока я разговаривал с пленными, лучник, стоявший на страже, снял свою шапку и стал ею обмахиваться.

Их изогнутые луки из дерева и рога сейчас спокойно висят у них за спиной. По-моему, за спиной удобнее носить колчан со стрелами, но колчан они почему-то носят на поясе. Колчан украшен густой бахромой, которая предохраняет стрелы от брызг.

У всех лучников очень высокие острые скулы, похожие на пластинки шлема.

Глаза светлые и свирепые, волосы тоже светлые, светлее, чем у эллинов, а бороды – гуще и длиннее. Они срезают волосы у поверженных врагов и привязывают на пояс, чтобы вытирать о них руки. Они не знают того языка, каким я, как умею, пользуюсь в разговорах с Гиперидом и остальными; не знают они и того языка, на котором я пишу свой дневник. От них пахнет потом. Вот, пожалуй, и все о них.

⁵⁹ Изначально варварами греки именовали представителей всех других племен и народов, язык которых был им непонятен и казался неблагозвучным (от греч. *barbaros* – непонятно болтающий).

Да, чуть не забыл еще одну важную деталь: лучник, который сторожит пленных, как-то странно поглядывает на меня. Порой мне кажется, что он чего-то боится, порой – что добивается каких-то льгот или благодарности. Я так и не понял, что означают его взгляды, но на всякий случай запишу – может быть, потом сумею разобраться.

Пленные из Фив – это мужчина, его жена и их дочка. Когда я подошел к ним, они называли меня "латро". Сперва я решил, что они просто считают меня разбойником или наемником, но потом понял, что украсть у них нечего, да и у кого, с другой стороны, я мог бы здесь быть наемником? Чуть позже я догадался, что Латро – это мое имя, а эти люди меня хорошо знают. Я сел рядом с ними на палубу, объяснив, что так прохладнее, и предложил принести им воды.

– Латро, ты перечитывал свой дневник? – спросил вдруг мужчина.

Я огляделся, заметил, что моя книга лежит на носу триеры, где я сидел раньше, и ответил ему, что осматривал корабль и еще ничего не успел прочесть.

Женщина тоже увидела мой свиток и испугалась:

– Латро, твою книгу ветер унесет!

– Не унесет, – успокоил я ее. – Стилль достаточно тяжелый, а я его засунул под тесемки.

– Для нас очень важно, чтобы ты поскорее прочитал свои записи, – сказал мужчина. – Вот ты предложил принести нам воды, но воды нам дали совсем недавно, и пить мы не хотим. Лучше бы ты принес сюда свою книгу. Клянусь Светлым богом, никакого вреда я ей не причиню!

Я колебался, но девочка тоже попросила:

– Пожалуйста, господин мой! – В голосе ее было что-то такое, чему противиться я не мог, и я принес книгу, и мужчина взял ее у меня и написал на внешнем листе несколько слов.

– Так делать не следует, – сказал я ему. – Разверни лист, вот так, и можно писать на его внутренней стороне. Тогда, если книгу закрыть, написанное не сотрется.

– Но ведь иногда писцы пишут и на внешней стороне листа! – возразил он.

– Особенно когда хотят на что-то обратить внимание того, кто возьмет эту книгу в руки, но совсем необязательно откроет ее. Например, писец может написать здесь: "Свод законов такого-то полиса" – или что-либо подобное.

– Это верно, – согласился я. – Я об этом совсем позабыл.

– Ты очень хорошо говоришь на нашем языке, – сказал он. – А прочесть, что я написал, сможешь?

Я покачал головой:

– По-моему, я когда-то видел похожие буквы, но прочитать слова не смогу.

– Ну так напиши здесь сам, на своем языке: "Читай меня каждый день".

– А теперь раскрой книгу и сразу поймешь, кто ты такой и кто мы такие, – сказала девочка.

Приятный у нее был голосок, и я погладил ее по головке.

– Но здесь ведь так много уже написано, малышка! – Я уже достаточно развернул свиток, чтобы убедиться, что это так и есть, причем почерк был очень мелкий, писали свинцовым стилем, а не чернилами, так что буквы были серые, а не черные⁶⁰, и разобрать их, наверное, было бы нелегко. – А может, ты сама знаешь, что здесь написано? В таком случае расскажи мне, это будет куда быстрее, чем мне читать все сначала.

– Ты должен попасть в святилище Великой Матери-богини, – торжественно сообщила мне девочка. А потом прочитала какое-то стихотворение. Закончив, она пояснила:

– А вел тебя туда Пиндар.

⁶⁰ До IV в. до н.э. чернила по цвету и составу скорее напоминали черную тушь; лишь потом стали применяться и цветные чернила.

– Пиндар – это я, – пояснил мужчина. – Жители нашего Светлого города назначили меня тебе в провожатые. Я знаю, ты сам не помнишь, но клянусь: все это правда.

Какой-то чернокожий человек, что спал на скамье вместе с гребцами, вскарабкался к нам на палубу. Мне он показался знакомым, да и выглядел он таким дружелюбным и веселым, что я улыбнулся при виде его.

Заметив мою улыбку, он торжествующе воскликнул: "Ха!", так что даже спящие гребцы беспокойно зашевелились, а те, кто бодрствовал, изумленно уставились на нас. Лучник, сто- роживший нас, тут же схватился за свой кинжал, висевший у него на поясе.

– Ты бы поменьше шумел, дружок! – заметил Пиндар.

Чернокожий в ответ лишь ухмыльнулся и радостно показал сперва на свое сердце, потом на мое, а потом снова на свое.

– Ты хочешь сказать, что он тебя узнает? – спросил Пиндар. – Да, возможно, ты прав. Немного помнит, похоже.

– Он что, моряк? – спросил я. – Он не похож на остальных.

– Он твой друг. Это он заботился о тебе до того, как Гиладель, Ио и я познакомились с тобой. Может быть, ты спас ему жизнь во время сражения.

Однако, что очень дурно, он заставлял тебя попрошайничать, когда я впервые тебя уви- дел. – Пиндар обернулся к чернокожему и сказал ему:

– А ведь ты немало денег собрал тогда! Впрочем, вряд ли они у тебя сохранились.

Чернокожий покачал головой и изобразил, будто ему отрезают руку ножом и кровь льется ему в подставленную ладонь. Потом как бы пересчитал капли крови, как считают деньги, при- щелкивая языком и изображая этим звон монет, которые якобы одну за другой клал на палубу. Закончив свое представление, он указал на меня. Девочка пояснила:

– Он отдал деньги тем рабам в лагере, пока ты, Пиндар, писал свои стихи и беседовал с Латро. Латро сперва убил нескольких рабов, а потом они сами решили убить его, когда добе- рутся до Лаконики.

– Вряд ли спартиаты позволили бы им это. Впрочем, не важно. Важнее то, что у меня было десять "сов", но их у меня отняли в Коринфе. А для нас даже Коринф был бы предпо- читательнее Афин. – Пиндар вздохнул. – Ведь Фивы и Спарта – старинные враги⁶¹.

Когда Гиперид рассказывал мне о победе военного флота афинян над варварами, он намекнул, что я тоже, возможно, варвар; и вот теперь я спросил Пиндара, насколько серьезна вражда между его родным городом и Афинами и серьезнее ли она вражды эллинов с варварами.

– Куда серьезнее! – горько рассмеялся он. – Ты все забываешь, Латро, а потому, наверно, забыл и то, что родные братья могут быть куда более злыми врагами, чем чужие люди. Наши поля богаты, а их бедны; поэтому они издавна завидовали нам и пытались отнять наше добро силой. Затем принялись торговать. Они выращивали оливки и виноград, обменивали масло, фрукты и вино на зерно, а также делали на продажу замечательные амфоры, вазы и кувшины. А затем Хозяйка Афин, которая в делах очень практична, показала им настоящую "золотую жилу".

Глаза чернокожего широко раскрылись, он даже наклонился вперед, чтобы не пропустить ни единого слова, хотя, по-моему, понимал рассказчика не слишком хорошо.

– Они к этому времени уже были богаты, но стали еще богаче, зато мы не проявили должной мудрости и попытались присвоить то, что принадлежало им.

Хотя вряд ли в нашем Светлом городе найдется хотя бы одна семья, не связанная с Афи- нами какими-нибудь узами, и вряд ли в Афинах есть хоть один человек – не считая инозем- цев, – у которого в Фивах не было бы родственников. Итак, мы страшно ненавидим друг друга,

⁶¹ Плодородные земли вокруг Фив явились причиной появления здесь крупных землевладельцев, а в VI в. до н.э. объеди- нение беотийских городов с Фивами во главе привело к конфликту с Афинами.

однако эта ненависть раз в четыре года кончается – когда наши лучшие спортсмены посвящают свои успехи Зевсу-громовержцу; но стоит играм закончиться, как все начинается снова⁶². – По-моему, он хотел сердито сплюнуть, да передумал.

Я посмотрел на женщину. Глаза у нее были ясные, как вспышка молнии, и она показалась мне куда более красивой, чем та, что нарисована на нашем парусе. Я невольно подумал, что, если бы Пиндар был рабом, я мог бы как-нибудь выкупить его жену и дочку.

– А с тобой мы тоже друзья? – спросил я у женщины. – Ведь мы давно путешествуем вместе, верно?

– Мы познакомились на празднестве в честь бога-привратника⁶³, – сказала женщина. И улыбнулась – видно, припомнила что-то, чего я вспомнить не мог. Мне вдруг показалось, что она с удовольствием бросила бы своего мужа на произвол судьбы и стала жить со мной. – А потом появились эти рабы Спарты, и, пока Пиндар и чернокожий дрались со своими первыми противниками, ты успел прикончить троих. Но тут остальные вознамерились убить нас с Ио, и Пиндар остановил тебя, потребовав прекратить потасовку.

Я даже боялась, что ты и его прикончишь, и он, по-моему, тоже немного испугался, однако ты бросил свой меч и рабы связали тебя, а потом побили и заставили целовать землю у их ног. Да, конечно, мы с тобой друзья.

– Я рад, – промолвил я. – Рад, что не помню, как сдался.

– Мне бы тоже очень хотелось об этом забыть, – кивнул Пиндар. – Во многих отношениях твоей забывчивости можно только позавидовать, Латро.

Однако же, раз Светлый бог направил тебя к Великой Матери-богине, именно туда тебе и следует держать путь. Именно там, если это вообще возможно, ты будешь исцелен.

– А кто такая эта Великая богиня? – спросил я. – И что означает стихотворение, которое читала маленькая Ио?

И Пиндар поведал мне о великих богах и их обычаях. Я внимательно его слушал – в точности как Гиперида, уже не раз рассказывавшего мне о Саламинском сражении; и хотя я не знал, что именно надеюсь услышать от каждого из рассказчиков, я понимал, когда они умолкали, что никогда не слышал этого прежде.

Сейчас солнце скрывает парус, а я снова сижу на носу, и корабль укачивает меня, как мать младенца. В волнах слышатся чьи-то голоса, кто-то смеется, поет, кого-то окликают...

И я снова надеюсь услышать хоть какое-то упоминание о доме, о семье, о друзьях, которые наверняка остались у меня на родине.

⁶² Олимпийские игры, самые значительные из всегреческих игр. Их устраивали в честь Зевса каждые четыре года летом в его святилище в Олимпии. Принимать участие в играх могли только свободные полноправные греки, не запятнанные пролитием крови. Священный мир охранял гостей и участников игр от нападений во время празднества, при въезде и выезде.

⁶³ Имеются в виду либо Дионис, либо Аполлон: оба этих бога считались посредниками между двумя мирами – миром мертвых и живых.

Глава 9

СПУСКАЕТСЯ НОЧЬ

По морю, точно колесницы, несутся черные тени. И хотя спускается ночь и на палубе скоро будет слишком темно, я все равно буду продолжать писать, а потом, если не успею записать всего, устроюсь вместе с остальной командой у огня и допишу там, прежде чем лягу спать.

Не успел я на минутку отложить свой стиль, как кибернет приказал матросам, которые тут же притихли, убрать парус и мачту и взяться за весла.

Замечательно плыть на таком изящном легком корабле под парусом; но еще приятнее, когда гребцы налегают на весла, и корабль то птицей взлетает на волне, то с шумом падает вниз. При встречном ветре на носу тебя всего окутывает серебристая водяная пыль, когда корабль рассекает волны.

Играет мальчишка-флейтист, а гребцы поют под этот аккомпанемент, ритмично ударяя веслами, и даже морские божества всплывают из глубины послушать их пение. Уши богов подобны раковинам, а волосы – траве морской.

Я довольно долго стоял на носу, глядя на них и на приближавшуюся землю, и сам себе казался сродни этим богам.

Наконец, когда берег был уже так близко, что можно было разглядеть листья на деревьях и камни на берегу, ко мне подошел кибернет и встал рядом. Заметив, что в ближайшие несколько минут он явно не собирается отдавать команде никаких приказаний, я осмелился поведать ему, каким прекрасным нахожу его корабль и оба других корабля, которые мы сейчас обогнали.

– Лучше не бывает! – сказал он. – Вряд ли хоть один такой же замечательный найдется. И пусть о Гипериде говорят все что угодно, да только он денег на "Европу" не пожалел! Можно, конечно, сказать, что он не зря старался, ибо сам же ею и командует, да только собственными кораблями многие командовали, а строительный материал все равно норовили подешевле купить. Про Гиперида этого не скажешь. У него-то ума хватило, чтобы понять: "Европа" не только престиж его поднимет, но и жизнь ему сохранит.

– Он, должно быть, смелый человек, – заметил я, – раз взялся командовать военным судном. Ведь мог бы и дома остаться, в безопасности.

– Вот уж нет! – сказал кибернет, поглядывая на берег. – Члены нашего достойного Собрании порой, конечно, проявляют изрядную глупость, однако же не настолько глупы, чтобы позволить такому отличному снабженцу остаться вдали от армии или флота. Впрочем, даже если б Гиперид и остался в Афинах, все равно о его безопасности и речи быть не могло: ведь город варвары сожгли чуть ли не дотла. При желании он, конечно, мог бы остаться на берегу. Многие так и сделали. Однако взгляни на "Клитию" – между прочим, тоже отличный корабль! На ней кибернетом мой брат. А знаешь, что сказал мне о "Клитии" тот поэт?

Не зная, о каком поэте идет речь, я покачал головой.

– Он сказал, что с веслами, покрытыми пеной, она похожа на птицу с четырьмя белыми крыльями. И это чистая правда – ты только взгляни! Он, может, и беотийская свинья, но поэт все же хороший. Разве ты не слышал вчера, как он нам декламировал стихи?

– Что-то не помню, – промямлил я.

– Ха-ха-ха! Да ты небось слишком много вина выпил и спать завалился! – Он хлопнул меня по спине. – Настоящая морская душа! погоди, мы еще и грести тебя научим, пусть только у тебя рана на голове подживет.

– А что, стихи его действительно были хороши?

Кибернет кивнул.

– Наши ребята никак не хотели его отпускать. Надо попросить Гиперида, чтобы велел ему сегодня вечером еще выступить. Надеюсь, особенно просить не потребуется. – И он крикнул гребцам:

– Эй, суши весла помалу! Тише ход!

– Вы что, собираетесь вытаскивать корабль на берег?

– Это ты точно подметил! Хотя ветер благоприятный, и мы могли бы обогнуть мыс еще до заката. Если бы у нас не было целого дня в запасе, я бы так и поступил. Но спешить некуда, а провести лишнюю ночь на море не так уж приятно. Я предложил Гипериду высадиться здесь на берег, и он согласился. Тут неподалеку есть небольшая рыбацкая деревушка, там можно купить свежие продукты – почти все, что мы прихватили с собой из Коринфа, уже съедено.

Он что-то еще крикнул гребцам, и все весла с одного борта дружно взлетели в воздух и застыли. Судно резко повернулось, будто щепка, попавшая в водоворот. Еще через мгновение весла снова коснулись воды, и мы кормой вперед стали выползать на берег. С полдюжины матросов бросились в воду и, как тюлени, поплыли к берегу. Им бросили с борта свернутый в кольца канат.

– А ну табань! – заорал кибернет. – Бортом, бортом!

Я был просто потрясен быстротой всех этих маневров, что, должно быть, отразилось на моем лице, так как кибернет сказал, потирая руки:

– Да, команда у меня хорошая, ничего не скажешь. Сам почти всех выбирал, а остальные еще до войны у Гиперида служили.

К этому времени на борту осталось совсем немного людей – кибернет, я, воины (чьи доспехи, промокнув, утопили бы их, если бы они решились пуститься вплавь), лучники, тот чернокожий, трое пленных и Гиперид. Без команды корабль казался таким легким, что я боялся, как бы он не перевернулся.

– Иди сюда! – позвал меня кибернет, потом махнул рукой, и воины с пленными тоже подошли к нам и остановились на носу, отчего корма еще больше поднялась.

На берегу матросы изо всех силы тянули за канаты. Чувствовалось, что судно уже скребет килем по дну, потом оно пошло было свободно, однако снова ткнулось в дно. Палуба закачалась, мы схватились за поручни.

– Только не прыгай сейчас, – сказал кибернет, предвеля мои намерения.

– Дно здесь каменистое.

Палуба уже так накренилась, что трудно стало удержаться на ногах. Мы отступили на корму, оттуда легко можно было перебраться через гакаборт и спрыгнуть на берег, почти не замочив ног.

Моряки уже собирали плавник для костра. Два других корабля тоже подгребали к берегу. Мы с чернокожим стали помогать команде "Европы" собирать топливо – для моряков было делом чести успеть все приготовить до высадки двух других команд.

Берег был низкий, скалистый, кое-где поросший чахлыми деревцами. Однако стоило чистым волнам морским коснуться прибрежных скал, как все ожило. Вот коршун вылетел из-за гребня горы, камнем упал вниз, выхватил что-то из воды и снова взмыл в небеса, едва шевельнув могучим крылом. Каменистый берег походил на растопыренную пятерню, один "палец" которой был зеленого цвета: там виднелся лесок.

Гиперид, взяв с собой трех воинов и несколько моряков, отправился в деревню, чтобы купить припасы. Ацет послал двоих в дозор на вершину холма, а все остальные, скинув одежду, полезли купаться. Даже пленным, как я заметил, разрешено было зайти в воду, хотя плавать им не позволяли оковы.

Сам я поплавал совсем немного – боялся намочить свои бинты. Я заметил, что лучники отошли как можно дальше от остальных – наверно, не хотели никого из нас видеть хотя бы во время купания.

Когда я вылез на берег, девочка, сидя на камне, сторожила мои пожитки.

Я поблагодарил ее, и она сказала:

– Я боялась, что кто-нибудь возьмет твою книгу, господин мой. Ведь тогда ты бы никогда не узнал, кто ты такой и кто я.

– А кто ты? – спросил я ее. – И почему называешь меня "господин мой"?

– Я твоя рабыня Ио.

Я удивился и сказал, что до сих пор считал ее дочерью той пары, с которой она была скована цепью.

– Я так и знала! – воскликнула девочка. – Хотя мы совсем недавно познакомились с ними, а я твоя рабыня уже давно, меня еще в Фивах даровал тебе Светлый бог.

Я покачал головой.

– Но это правда, господин мой! Клянусь палицей Геракла. И стоит тебе начать читать свою книгу, как ты сразу узнаешь об этом и о проклятии Великой Матери-богини. Конечно, со мной поступили несправедливо – это ты тоже поймешь. – Она показала мне на свою цепь. – Ведь если ты не считаешься пленным, я тоже должна быть на свободе и служить тебе.

Я попытался вспомнить, о чем рассказывала мне утром та женщина, и спросил:

– Эти солдаты взяли нас в плен, когда мы куда-то шли?

– Не эти солдаты, господин. А рабы Спарты. И они избили тебя, а меня изнасиловали. У меня кровь шла, хоть я еще и не женщина вовсе. Гиалайра говорит, что ребенка-то у меня точно не будет, а вот у нее может быть. – Ио вздохнула, должно быть, вспомнив выпавшие на ее долю страдания. Я же не помнил ровным счетом ничего. – А потом мы встретили настоящих воинов, в шлемах, с гоплонами⁶⁴ и копьями. Они заставили рабов Спарты передать нас им. И тогда я спрятала твою книгу – боялась, что ее у тебя отнимут.

Эти воины повели нас в Коринф, но, по-моему, там мы были совсем не нужны – жители Коринфа, как и многие в Элладе, боятся спартанцев, так что они вовсе не хотели принимать пленных, которых афиняне отбили у рабов Спарты.

Однако они и афинян тоже боятся, а воины из нашего города, фиванцы, помогали Великому царю жечь Афины и Коринф, так что коринфяне просто отдали всех нас Гипериду. Он нас тут же разделил, и, по-моему, ты ему особенно понравился. А когда ты подошел к нам и заговорил со мной, я передала тебе твою книгу. Я прятала ее под пеплосом, привязав к телу веревкой. Ты хоть немного почитал ее? Я ведь тебя об этом просила.

– Не помню, – сказал я.

– Возможно, ты кое-что все-таки прочитал, но если с тех пор ничего более не записывал, то теперь это уже не важно.

– Ты очень много знаешь для своего возраста, малышка, – похвалил я ее, надевая хитон.

– Ну это мне не больно помогло. Вот в Фивах моими хозяевами были действительно очень милые люди. А здесь самое большое удовольствие для меня после такого "путешествия" – просто выкупаться. Может быть, ты попросишь Гиперида и он разрешит мне снять эту цепь?

– Но ты же не можешь снять эту цепь сама, это все-таки не сандалии.

– В том-то и дело, что могу! У них цепи для крупных мужчин – непокорных матросов, пленных варваров и так далее; они слишком велики для маленьких девочек вроде меня. Если постараться, не так уж трудно вынуть из кандалов ногу. Я уже вынимала – вчера ночью.

– А ну-ка покажи.

Она положила ногу на ногу и, высунув язык, стала возиться с кандалами; они действительно были слишком велики для нее.

⁶⁴ Гоплон – круглый деревянный щит, обтянутый кожей, с бронзовой или из бычьей шкуры передней поверхностью. На передней пластине гоплона обычно изображали символ города, к которому принадлежал воин. Например, дубинка обозначала Фивы.

– Когда нога чуточку влажная, получается лучше, – сказала она. – А теперь еще и песок попал.

– Ты так кожу себе сорвешь.

– Не сорву. Господин, придержи вот здесь, пожалуйста, а пятку мою прижми большим пальцем. Так, теперь тяни.

Оковы легко свалились с ее тонких щиколоток, точно расстегнутый ножной браслет.

– Ты, должно быть, пошутила, когда сказала, что не можешь сразу вынуть ногу, – сказал я. – По-моему, достаточно тебе было сделать шаг, и цепи остались бы на песке.

– Возможно, я чуточку и притворялась, но ты ведь не сердишься на меня, господин мой?

– Нет. Но ты лучше снова надень кандалы, пока тебя кто-нибудь не увидел.

– Вряд ли я теперь смогу это сделать, – возразила она. – Но ничего, я просто скажу, что цепи с меня свалились сами, в воде.

– Тогда их, наверное, лучше где-нибудь спрятать?

– Я знаю отличное место. Присмотрела, пока ты плавал. Видишь вон ту большую скалу?

У самого края скалы виднелось довольно большое отверстие – голову можно было просунуть, – и эта "труба" уходила почти вертикально вниз. Я сунул туда руку.

– Лучше бы ты этого не делал, – сказала Ио. – Оттуда так отвратительно воняет! – И она бросила в дыру цепь с кандалами. – Не думаю, чтобы они захотели снова заковать меня: небось побоятся, что и вторая цепь тоже соскочит и потеряется.

Один из наших моряков – только что они помогали вытаскивать второе судно на берег – принес бронзовую топочную коробку. Отверстия в ней светились на удивление ярко. Солнце уже скрылось за береговым выступом, и все кругом окутала густая тень.

– Попробую-ка я раздобыть нам поесть, – радостно заявила Ио. – Это ведь, в конце концов, моя обязанность.

– Вряд ли уже успели приготовить ужин! – крикнул я ей вслед, но она даже не обернулась. Тогда я подобрал свиток и двинулся за нею, но тут кто-то хлопнул меня по плечу.

Это оказался один из лучников.

– Она ничего дурного не сделает, – сказал я ему, – она всего лишь ребенок.

Он пожал плечами, показывая, что Ио его совершенно не интересует.

– Меня зовут Оиор, – сказал он. – Я сын Сколота. А ты Латро. Я слышал, как тебя этим именем называли фиванцы.

Я кивнул.

– Мне эти места совсем не знакомы, – сказал он.

– Мне тоже.

Он, казалось, удивился моим словам, однако продолжал:

– У этих эллинов слишком много богов! Вот у меня на родине приносят жертвы лишь красному огню, невидимому воздуху, черной земле, светлой воде, солнцу и луне, ну и еще стальному мечу. А их богов я не знаю. Тревожно мне, и моя беда станет общей для всех нас, чужих здесь. – Он настороженно огляделся. – Денег у меня, правда, немного, но тебе я отдам все. – Он протянул мне горсть бронзовых монет.

– Мне не нужны твои деньги, – сказал я.

– Возьми. Так в здешних краях скрепляют дружбу.

Чтобы доставить ему удовольствие, я взял одну монетку.

– Вот и хорошо, – сказал он. – Однако лагерь – не место для серьезных разговоров, да и ужин скоро поспеет. Когда поешь и выпьешь вина, поднимись на холм, – он указал мне на часовых, силуэты которых виднелись на фоне почти черного неба, – и дождись там Оиора.

И вот я жду его; и пока ждал, успел все записать в свой дневник. Солнце село, вскоре погаснет и его последний луч. Уже встает луна, и, если этот Оиор не придет в ближайшее время, я спущусь к костру и лягу спать.

Глава 10

ПРИ СВЕТЕ УЩЕРБНОЙ ЛУНЫ

Я пишу, сидя у костра. Когда помотришь вокруг, кажется, весь мир спит, бодрствуем лишь я и чернокожий. Он бродит по берегу, глядя на море, точно высматривает в ночи чей-то парус.

И все же я знаю: многие в лагере не спят. Один зашевелится беспокойно, другой сядет, посмотрит-посмотрит и снова ляжет. В деревьях и среди скал вздыхает ветер, и вздыхает еще кто-то неведомый.

Я спросил Гиперида, будем ли мы утром хоронить мертвых, но он сказал, что здесь мы их хоронить не будем и постараемся поскорее добраться до города, чтобы похоронить их там, среди близких – если они у этих мертвых есть.

Итак, начну с ужина. Ио принесла мне еды и вина, хоть я уже успел поесть до ее прихода, и мы с ней разделили вторую порцию, удобно устроившись под высокой скалой и прислонившись к ней спинами. Над морем вставала луна, на берегу горели костры из плавника да темнели вытасщенные из воды корабли.

Гиперид действительно кормил команду отлично, так что никто даже не заметил, что я уже съел свою порцию. Ио выдали ужин для нас обоих, и я еще разок поел, а Ио переложила все, чего не хотела сама, на мой подносик, так что, когда я осушил свою чашу, промокнул пальцы кусочком хлеба и опустил подносик на землю, еды на нем оставалось еще порядочно.

– Можно и мне взять немного? – спросил кто-то, и я оглянулся.

То, что я принял за камень на вершине скалы, оказалось головой женщины.

Поняв, что ее заметили, она спустилась оттуда и подошла к нам. Тело ее было обнажено, однако, хоть она была уже и не первой молодости (насколько я мог судить при слабом свете ущербной луны), все же двигалась грациозно и отличалась дивной красотой. Грива ее черных волос была необычайно густой и буйной.

Когда она подошла ближе, я решил, что это, должно быть, последовательница какого-то тайного культа, ибо, несмотря на отсутствие одежды, она повязала вокруг бедер – точно поясok стыдливости – змеиную шкуру.

– Возьми, пожалуйста, – сказал я и протянул ей подносик. – Можешь съесть все, если хочешь.

Она молча улыбнулась и покачала головой.

– Господин! – испуганно вскрикнула Ио и вскочила, глядя на меня во все глаза. Я спросил, в чем дело. – Но там же никого нет! С кем ты говоришь?

Незнакомая женщина шепнула мне:

– Может, отдашь мне свою рабыню? Коснись ее – и она моя. Коснись меня – и я стану принадлежать ей. – Говоря это, она почти не двигала губами. А произнося слова "я стану принадлежать ей", отвернулась и стала смотреть на луну.

– Господин мой, неужели здесь есть кто-то еще? Кто же? Я никого не вижу! – беспокоилась Ио.

– Какая-то женщина, – ответил я. – У нее черные волосы и что-то вроде пояса из змеиной шкурки.

– Она похожа на того человека, что играл на свирели?

Я такого человека не помнил и лишь головой покачал.

– Пойдем к огню, – жалобно попросила Ио и потянула меня за руку.

Женщина шепнула мне:

– Не бойся. Я не причиню тебе зла. Я пришла, чтобы кое-чему научить тебя, предостеречь...

– И девочку не тронешь?

– Девочка принадлежит тебе. Но могла бы стать моей. Что в этом плохого?

– Уходи, – велел я Ио. – Беги к костру и жди меня там, я скоро приду.

Она не заставила себя еще раз просить и улепетнула, как кролик из-под копыт боевого коня, подпрыгивая на бегу и мелькая среди камней.

– Какой ты эгоист! – упрекнула меня женщина. – Сам поел, а я хожу голодная.

– Ты тоже можешь поесть.

– Однако ты скор на язык, что уже неплохо, да и соображаешь довольно быстро. Увы, мне не прожевать твоей пищи. – Она улыбнулась, и я увидел, как в лунном свете блеснули ее зубы, маленькие и очень острые.

– Я и не знал, что бывают такие женщины! А что, здесь все женщины на тебя похожи?

– Разве ты не помнишь? Мы ведь с тобой уже встречались и говорили, – промолвила она.

– Нет. Забыл, наверное.

Она внимательно посмотрела мне в глаза и плавно опустилась на землю рядом со мной.

– Если ты сумел забыть меня, то, должно быть, немало с тех пор повидал.

– И ты именно это пришла мне сказать?

– Ах, – воскликнула она, не отвечая, – да ведь ты и лица моего не помнишь!

Я кивнул.

– Ну а все остальное действительно выглядит теперь несколько иначе, чем прежде. Да, ты прав. Я пришла сообщить тебе именно об этом. Но есть и еще кое-что. Поважнее.

Я смотрел на нее во все глаза, восхищаясь ее прекрасным телом и белоснежной кожей.

– Что ж, с радостью выслушаю тебя.

Рука ее ласково скользнула по моему бедру, однако была холодна как лед.

– Возможно, когда-нибудь мы с тобой... Хочешь меня?

– О да!

– Ну что ж – возможно, позже. Возможно, я и полюблю тебя. Когда ты справишься от своей раны. А теперь мне нужно кое-что важное сообщить. – Она указала на луну в небе. – Видишь богиню?

– Да, – сказал я, – теперь вижу, хотя мне, глупцу, всего лишь мгновение назад луна напоминала простой светильник.

– Тень уже легла на ее чело, – продолжала женщина, – а через семь дней все ее лицо скроется в тени. И она превратится в богиню мрака, и ты узришь ее именно такой, если она явится тебе.

– Не понимаю.

– Я ведь знаю: однажды она уже приходила к тебе в обличье светлой богини – но тогда было полнолуние. И раз она сделала это однажды, то непременно явится снова, так что тебе полезно побольше знать о ней. А за очень небольшую дополнительную плату я могу поведать тебе куда больше... и все это очень важные вещи...

Я не спросил, какова цена этих сведений. Я ее и так знал. И женщина это понимала.

– А можешь ли ты без моего разрешения заполучить девочку? Неужели можешь? Даже если она будет сидеть у самого костра и со всеми вместе?

– Я могу ее взять, даже если она сядет прямо в костер.

– Такую цену я никогда платить не стану.

– Учись быть мудрым, – сказала она. – Знание дороже золота.

Я покачал головой.

– Для меня любые знания слишком недолговечны; они исчезают в тумане, тают, как далекое эхо.

Она вскочила, сердито стряхивая пыль с колен и бедер – точно оправляла одежду, как это делают все женщины.

– А я-то хотела дать тебе знания! Ты, видно, не шутил, когда называл себя глупцом.

– Да неужели? Я уж и не помню.

– Да, это ведь так удобно – все забывать! Однако вспомни обо мне, когда встретишься с моей хозяйкой, в каком бы обличье она тебе ни явилась.

Вспомни, что я помогла тебе. И помогла бы значительно больше, если б ты проявил такую же щедрость, как и я.

– Постараюсь не забыть, – пообещал я.

– Но я все же предупрежу тебя, как обещала: девочка успела невредимой пробежать по склону холма, однако следующий, кто пройдет здесь, вскоре умрет. Слушай и запоминай!

– Я слушаю.

– Ну так жди, пока пройдет он. А потом можешь сам идти без опаски. – Она помолчала, облизнула губы и, склонив голову набок, прислушалась.

Я тоже прислушался: вдали со стуком осыпались под чьими-то ногами камешки.

– Ну вот, уже кто-то идет, – сказала она. – Я бы попросила его у тебя, но тогда умереть пришлось бы тебе самому. Заметь, как дружески я предупреждаю тебя! Как я милосердна и справедлива!

– Я вижу.

– Так не забывай об этом и о моем предостережении. Да, вот еще что. – Она быстро подошла к той скале, за которой пряталась, на мгновение исчезла, нагнувшись к самой земле, и тут же вновь оказалась рядом со мною.

Какой-то предмет с металлическим звоном упал к моим ногам.

– Здешние женщины любят класть под колыбель младенца нож, – сказала она, – считая, что таким образом отпугивают нас, хотя на самом деле это совсем не так. Во всяком случае, действует далеко не всегда. Правда, мы действительно не любим ни железа, ни стали. – Она снова нагнулась и вытерла руки о землю. – А почему – узнаешь позже.

Я подобрал брошенный ею предмет. То была цепь с кандалами.

– И впредь не позволяй своей девчонке бросать в мой дом всякую дрянь! – сказала она.

Мужской голос, грубый и низкий, окликнул меня: "Латро!" – и я посмотрел в ту сторону, а когда обернулся, женщина уже исчезла. На скале по-прежнему лежал камень, похожий на ее голову. Я подошел и поднял его. То был самый обыкновенный камень, и я отшвырнул его прочь.

– Эй, Латро! – снова крикнул тот человек.

– Я здесь, – откликнулся я и вскоре увидел высокую шапку из лисьего меха.

– Хорошо, что ты меня дождался, – сказал лучник, подходя. – Ты действительно настоящий друг.

– Да, – сказал я. – Только давай лучше пойдем поскорее к огню, Оиор. – Я не доверял ни той женщине, ни ее предостережениям и боялся за девочку.

– Нет, прежде поговорим. – Лучник помолчал, поскреб подбородок. – Друзья должны доверять друг другу.

– Это так.

– Я же говорил тебе, что не знаю здешних богов.

Я кивнул; видно было хорошо, почти как днем; луна светила ярко.

– А ты не знаешь богов моей страны, – продолжал Оиор. – И должен верить тому, что я о них рассказываю. Друг скажет другу только правду.

– Я поверю всему, что бы ты ни рассказал, Оиор, – сказал я. – Я только что видел нечто столь странное, что ты вряд ли сумеешь придумать лучше.

Он сел на землю почти там же, где только что сидела та женщина.

– Поешь со мной, Латро.

Я сел по другую сторону подноса.

– Я уже сыт.

– И я тоже, однако у нас в стране принято, чтобы друзья делили хлеб насущный. – Он разломил кусок хлеба и дал мне половину.

– Здесь тоже так делают. – Я съел свою половину, а он – свою.

– Когда-то нашей землей правили дети Киммера⁶⁵, – начал Оиор. – То был могущественный народ. Их владения раскинулись от Истра до Моря-Острова⁶⁶. И больше всего сильны они были в магии, принося своих сыновей и внуков в жертву триединой богине Артимпасе⁶⁷. В конце концов они убили даже сына своего царя, верного последователя богини Апии «Гея». А ведь это она – Великая Мать, породившая и людей, и всяческих чудищ, и все же кровь юного царевича дымилась на алтаре Артимпасы.

Но царю как-то удалось узнать об этом, и он простер руки к небесам и воскликнул: смерть тому жрецу, кто еще хоть раз осмелится принести в жертву киммерийца! Он послал свое войско, потребовав истребить всех колдунов, чтобы ни один в живых не остался!

Но семеро колдунов сбежали от преследований на восток, за Море-Остров.

Смерть гналась за ними по пятам, они долго скитались в пустыне, ночуя в убежищах из камней, но выжили и стали основателями многочисленного племени – невров⁶⁸. – Он помолчал, а я ободряюще покивал головой в знак того, что слушаю его очень внимательно. – И невры начали войну с сыновьями Сколота; с помощью колдовства они уменьшали силу их мечей и в обмен на серебро получали прекрасных коней цвета лунного луча и юных девушек – в прислужницы гордым жрецам. И они использовали накопленные нами знания, подражали нам в одежде и обычаях, а вскоре заявили: «Сильны сколоты, но почему же они обитают в пустыне? Им следует пойти войной на сыновей Киммера, на жалкое племя, захватившее столь богатые и цветущие земли!» И мы взяли свои луки и стали воевать с киммерийцами.

Точно страшный ураган обрушились мы на них и разбросали по земле этот некогда богатый и сильный народ. Мы пользовались их дворцами как конюшнями, мы устраивали военные лагеря в их дивных храмах, горделиво высившихся над долинами. Давно это было. Да, мы заставили их пасть низко.

В хрониках аккуратно перечислены правители, сменившие друг друга с тех пор, как мы пришли в Киммерию, однако я сосчитать их не в силах. – Он вздохнул и умолк.

Мне показалось, я понимаю, зачем он все это рассказывает, и я спросил:

– А что же эти невры, Оиор?

– Разве может простой лучник судить о колдунах? Они по-прежнему живут на своих древних землях, к востоку от Моря-Острова. Однако среди нас они тоже встречаются, и никто не может их распознать: говорят они как мы, одеваются тоже, умело стреляют из лука и одним прикосновением могут укротить любого коня. Распознать их можно лишь благодаря особому знаку.

– И тебе он указан? – спросил я.

Он склонил голову в знак согласия.

– Апия выжгла тогда свое клеймо на проклятых неврах – такова была цена крови юного царевича. И каждый год, а порой и несколько раз за год, каждый из них меняет обличье. "Колдун" – так называет их твой народ, Латро, а сыновья Сколота зовут их "невры". Апия – по-нашему "земля", Артимпаса – "луна".

– Но как же все-таки эти невры меняют свое обличье?

⁶⁵ Киммерийцы – кочевое племя из южнорусских областей; ассирийские источники содержат свидетельства о пребывании киммерийцев в Армении (Урарту) в VII в. до н.э.

⁶⁶ Истр – античное название Дуная в нижнем его течении; Море-Остров – видимо, Каспийское море.

⁶⁷ Артимпаса – Тривия, или Триодита, богиня трех дорог: Геката, Селена и Артемида, слитые воедино.

⁶⁸ Скорее всего, это неврии, воинственное германское племя, обитавшее на обширной территории между реками Самбра и Шельда.

– Глаза их затуманиваются, уши становятся острыми, ноги быстро мчат зверя по равнине...

Вдали провыла собака. Оиор вцепился мне в руку:

– Слышишь?

– Это всего лишь собака, – сказал я. – Небось на луну лает. Там недалеко деревня – Тевтрон называется, так мне наш кибернет сказал; а где деревня, там и собаки.

– Когда негры меняют обличье, то пьют кровь человеческую, и едят человечину, и будят мертвецов, заставляя их вставать из могил.

– И ты уверен, что кто-то из них рядом?

Оиор кивнул:

– На нашем корабле. Ты помнишь наш корабль? А в трюм ты когда-нибудь спускался, к самой воде?

Я покачал головой.

– Там лежат мешки с песком, там же держат кувшины с водой и вином, запасы хлеба, вяленого мяса и прочего. Я часто сторожил тех троих – мужчину, женщину и девочку. Помнишь?

Я снова кивнул.

– Однажды они очень захотели пить, к тому же все уже поели, а о них даже никто не позаботился. И пленный мужчина сказал об этом Гипериду.

Гиперид – человек добросердечный, он даже глаза этим пленным не выколол.

Так вот, он велел мне принести им из трюма воды, вина, хлеба, оливок и сыру. Я все принес и еще подумал: хорошо, что мне предоставилась эта возможность, иначе я бы, наверно, никогда ничего и не увидел... Я чуть задержался там, где гребцы всегда гребут стоя.

– На корме? – спросил я. – Там, где рулевые?

– Ниже. Пришлось согнуться, чтобы попасть туда. Я сделал шаг, потом второй, третий. Там было очень темно. Продукты ведь хранятся там, где стоят гребцы, – оттуда гнилая вода стекает каждый раз, как судно вытаскивают на берег. Если бы тогда я просто повернулся и ушел, то ничего бы не узнал, конечно. Но я все-таки сделал еще один шаг, и передо мной, во тьме, блеснули глаза. Не человеческие.

– Неужели кто-то из лучников – негр? Оборотень?

– Я уже видел такие глаза, – сказал Оиор спокойно, – когда умерла моя сестра. Они похожи на два белых камня – такие же холодные и блестящие.

Однако сколько я ни смотрю людям в глаза, а таких не вижу. Из разговоров тех пленников я узнал, что тебя благословили здешние боги: ты видишь невидимое. Ты должен посмотреть в глаза всем трем лучникам.

– Эти боги проклинали меня! – рассердился я – Как и ваших негров. Да и вряд ли Гиперид нам поверит.

– Смотри! – Оиор вытащил из-за пояса нож. – На клинке написаны слова молитвы, обращенной к Апии. Этот нож отправит проклятого негра прямо в могилу, а я еще и камней сверху навалю, чтобы он не смог вернуться, пока с могилы не уберут все камни. Ну что, сделаешь это?

– Предположим, сделаю, – сказал я. – Но что, если я тоже ничего не увижу? Ты мневеришь?

– Ты обязательно что-нибудь увидишь! – Оиор показал на убывающую луну в небесах. – Вон она, Артимпаса. В глазах колдуна ты увидишь либо ее, либо черного волка, слугу Апии. И сразу все поймешь.

– Но если я все-таки ничего не увижу, – настаивал я, – то ты мневеришь?

– Ты ведь друг мне. Я должен тебе верить.

– Хорошо, я посмотрю им в глаза.

– Вот и отлично! – Оиор встал и улыбнулся. – А теперь пойдем к лучникам. Я скажу: "Это Латро. Он друг сыновьям Сколота, он мой друг и враг всяческого зла". Я назову каждого по имени, а ты возьмешь его за руку и заглянешь в глаза.

– Понятно.

– Остальные будут слушать стихи того пленного, но лучники его никогда не слушают, потому что его речь для нас подобна гоготу гусей. Пойдем, это недалеко, и я знаю тропу.

То ли при луне видно было плохо, то ли что, но никакой тропы я там не заметил, хотя Оиор двигался на удивление уверенно и проворно. Он опередил меня шагов на пять, когда чья-то рука стиснула мне горло.

Глава 11

ХВАТКА НЕВРА

Задыхаясь, я упал навзничь. Мелькнул длинный нож, и острие его уперлось мне в грудь; возможно, владелец ножа на мгновение заколебался, опасаясь, что нож может проткнуть не только мое, но и его собственное сердце.

Сверкнула сталь, и нападающий вдруг громко вскрикнул у самого моего уха. Оиор отшвырнул меня в сторону, и, с трудом переведя дыхание, я услышал, как хрустнула кость – ужасный звук, однако принесший мне радость хотя бы потому, что кость была не моя.

Когда я поднялся на ноги, Оиор вытирал окровавленное лезвие о пучок волос, висевший у него на поясе, а тот лучник, что чаще других сторожил пленных, со сломанной шеей валялся рядом.

– Спасибо! – выдохнул я. – Ты спас мне жизнь, Оиор.

Он будто и не слышал меня; дочиста вытерев нож, он молча сунул его в ножны. Я повторил, но уже громче:

– Спасибо, Оиор! Мы и без того были с тобой друзьями; теперь мы друзья до гроба!

Он пожал плечами:

– Ничего особенного, просто удачно попал. А если бы не попал? Нет, тут наша богиня вмешалась, не иначе!

– У меня, к сожалению, совсем нет денег, разве что та монетка, что ты дал мне... Но я непременно расскажу обо всем Гипериду. Он тебя наградит, я уверен.

Оиор покачал головой.

– Если ты мне действительно друг, Латро, то ничего никому не рассказывай. Для здешних жителей сколоты и невры – одно и то же, так что подозревать станут всех нас. Ступай лучше к костру и послушай того пленного поэта. А я уж сам этого колдуна похороню – его же собственным ножом могилу ему выкопаю да завалю камнями, чтоб выбраться не смог. А завтра нас уже здесь не будет.

– Хорошо, – согласился я. – Но ты должен знать, Оиор, что я все забываю, могу забыть и твой благородный поступок, и то, как ты спас меня сегодня. Но мы ведь с тобой по-прежнему останемся друзьями до гроба?

Правда?

Он протянул мне свой нож и снял с плеча лук.

– Положи руку на мой лук, – сказал он. – А вторую – на мой нож. Так мы, сколоты, клянемся.

Я сделал, как он хотел, а он поднял нож и лук к луне и торжественно провозгласил:

– Мы теперь больше чем братья, или пусть я умру!

– Больше чем братья, – эхом вторил я, – или пусть я умру.

– Если ты забудешь о нашей клятве, я тебе напомню, Латро, – сказал он, – и ты все вспомнишь. А теперь иди.

Я поднял с земли подносы и чаши и повернулся к Оиору, чтобы с ним попрощаться. Лучше б я этого не делал! Наверное, позже я смогу это описать – когда подберу нужные слова. Возможно, впрочем, что мне лишь показалось при свете луны...

Я бросился к костру и был уже совсем близко от него, когда услышал крики и стоны на берегу. Несколько матросов кого-то несли к нам, и сидевшие у костра бросились им навстречу. Подошел поближе и я.

Кровь еще сочилась из страшных рваных ран, но человек был уже мертв, и я отвернулся, чтобы не видеть его лица. Матросы столпились вокруг него, и, честно говоря, я был рад, что они заслонили от меня убитого.

Сквозь толпу протолкались Гиперид и кибернет. Я слышал, как кибернет спрашивал, где нашли убитого, и кто-то ответил: "У самой воды, господин".

Кибернет, должно быть, пощупал покойнику волосы, хотя мне этого видно не было, и сказал:

– Ну да, волосы еще совсем мокрые. Он, видно, купался. Ох, и в черный же час пришло ему это в голову! Я видел, как из моря вытаскивают такое...

– Дальше я не расслышал.

– Эй, парень – сказал Гиперид кому-то, – ступай на корабль, отыщи рулон парусины и отрежь, сколько надо, чтоб хватило его завернуть.

Матрос помчался стрелой.

Рядом со мной вдруг возник чернокожий; он знаками стал спрашивать, видел ли, я мертвого и знаю ли, что с ним случилось. А может, он спрашивал совсем о другом, да я не понял?

– Нужно поскорее соорудить алтарь, – снова принялся командовать Гиперид. – А ну за дело! Складывайте-ка здесь камни, да-да, прямо здесь – это место ничуть не хуже прочих!

По-моему, матросы были даже рады заняться работой. Алтарь словно сам собой поднялся над землею – каменная насыпь высотой примерно до пояса; наверху была устроена ровная квадратная площадка метра полтора шириной.

К нам присоединились Пиндар, та женщина и Ио.

– Где же ты был? – спросил он меня. – Ио сказала, ты пошел на гору, и, по-моему, очень беспокоилась. Я хотел сходить за тобой, да Гиперид меня не пустил. И ее, – он указал на женщину, – тоже. Наверно, боялся, что мы убежим. – Он понизил голос и прибавил почти шепотом:

– Пожалуй, он был прав.

Я неуклюже объяснил:

– Там был один человек, которого Ио видеть не могла. И разные другие еще...

– В дальнейшем, – сказала женщина, – постарайся держаться поближе к нам.

К нам подошел Гиперид и обратился к Пиндару:

– Я, конечно, кое-какие молитвы знаю, но вот если бы ты сочинил что-нибудь этакое, а?

– Я попробую, – кивнул головой Пиндар.

– Вот только времени у тебя маловато.

– Ничего, я постараюсь успеть. Как его звали?

– Кекроп. Он был гребцом из верхнего ряда, если это тебе важно. – Гиперид колебался. – Мне-то больше по душе короткие имена – легче запомнить, если раз или два услышишь.

– Я постараюсь, – повторил Пиндар и отвернулся, погружившись в собственные мысли.

Покойного положили перед алтарем, а на самом алтаре разожгли костер из плавника. Десять матросов, обладавших хорошими голосами и поклявшихся, что на них нет ничьей крови, спели литанию морскому богу: "О, пощади нас, могучий, хребет лошадиный ломающий, складки земли сотрясающий, волны морские вздымающий! О, не забудь нас, всемогущий, якоря среди скал укрепляющий, корабли у людей отнимающий, весну на земле начинающий!" И так далее, и тому подобное.

Когда они умолкли, Гиперид в латах и шлеме с синим крестом бросил в огонь хлеб и вылил вино из золотой чаши.

*О, третий брат богов великих,
Судьбой назначенный страной мертвых править,
Прими ж наш скромный дар – вино и пищу -
Во имя Кекропа, который страждал,
Трудился честно, не жалея сил,
Во благо брата твоего, царя морского.
И вот израненный моряк волною выброшен на берег -*

*Прими его, о темная река!
Ты протекаешь под землею,
Его ты унесешь в страну иную, к берегам безмолвным...*

Неподалеку раздался вой какого-то зверя, и маленькая Ио испуганно прижалась ко мне.
– Не бойся, – шепнул я ей, – это всего лишь собака.

Чернокожий через голову девочки коснулся моего плеча. Я обернулся, и он, покачивая головой, настороженно улыбнулся.

Гиперид уже почти кричал; никогда бы не поверил, что он обладает таким громоподобным голосом:

*Но все ж не торопись, старик, гребец искусный,
В своей ладье его переправляя душу
На этот горький берег Смерти,
Где не слышны раскаты океанского прибоя!*

– Клянусь Двенадцатью! – прошептал Пиндар. – Он помнит все стихотворение целиком! А мне-то казалось, оно и «плевка» не стоит – я бы, во всяком случае, на него не поставил.

Умолкнув, Гиперид бросил в огонь фасоль, горсть мидий, немного мяса и еще какие-то продукты, а двое матросов залили костер, набрав морской воды в кожаные ведра, и еще двое быстро завернули покойника в саван и унесли прочь.

– Это замечательные стихи, – сказал я Пиндару.

Он молча покачал головой. Люди вокруг постепенно расходились, возвращаясь к большим кострам, горевшим близ вытасненных на берег кораблей.

– Нет, действительно замечательные! Ведь многие моряки не скрывали слез!

– Они были его друзьями, – возразил Пиндар. – Как же им не плакать? Да благословят тебя нимфы, но поэзия и должна потрясать до глубины души! – У него самого в глазах стояли слезы, и, чтобы скрыть их от меня, он поспешил прочь, волоча за собой по песку тяжелую цепь.

Я все еще не мог забыть той схватки на холме и не сводил глаз с извилистой линии горного хребта на фоне звездного неба. На одной из вершин отчетливо была видна фигура высокого мужчины с посохом, а рядом – фигурка пониже; видимо, ребенок.

Женщина, что сидела рядом с Пиндаром, ласково коснулась моей руки:

– Пойдем, Латро, пора.

– Нет, – сказал я ей, – я еще задержусь немного, а ты уведи отсюда Ио.

По-моему, на холме кто-то есть, и я непременно должен с ними поговорить.

Женщина и чернокожий посмотрели в ту сторону, однако явно ничего не увидели. Женщина одной рукой приподняла свою цепь, а в другой сжала ручонку Ио и поспешно повела ее прочь. С ними вместе ушел и чернокожий. А следом – один из лучников, но не Оиор.

Оставшись один, я увидел, как высокий человек стал спускаться с холма, направляясь ко мне. За ним тащился второй, маленький, который без конца спотыкался. Высокого человека окружало сияние; тот, что был пониже, не светился, однако казался совершенно прозрачным – я смутно видел сквозь него скалы и деревья. В лунном свете ни один из этих людей тени не отбрасывал.

Когда высокий человек спустился с холма и подошел совсем близко, я почтительно поздоровался и смог наконец рассмотреть его как следует.

Волосы и борода у него были седые, а лицо суровое, темное.

– И я приветствую тебя, – откликнулся он и поднял свой посох. Говорил он глубоким басом.

Как можно вежливее я спросил, не за Кекропом ли он пришел, и предложил проводить его к телу покойного.

– В этом нет необходимости, – сказал он и указал посохом на алтарь, у подножия которого лежало тело Кекропа до того, как его унесли. С изумлением я увидел, что тело снова лежит там. Затем мертвый встал и, несмотря на страшные раны, побрел по песку к высокому человеку.

– Ты зря страшишься мертвых, – сказал мне высокий, заметив ужас, отразившийся на моем лице. – Их бояться не стоит; никто из них не причинит тебе зла.

Тот, что был пониже, тем временем спустился на берег и двинулся к нам.

Судя по одежде, это был лучник, и, возможно, с нашего корабля, и я спросил высокого, не этот ли человек пытался меня убить.

– Да, именно он, – услышал я в ответ. – Однако теперь он так поступить уже не сможет и, пока не обретет свободу, останется моим рабом.

– Это же убийца! – воскликнул я. – Надеюсь, ты накажешь его за совершенное преступление?

При моих словах лучник покачал головой. Она болталась у него на шее из стороны в сторону, точно цветок на сломанном стебле.

– Он не может говорить, – пояснил высокий, – если ты первым не обратишься к нему. Таков мой закон, и я велю всем своим рабам соблюдать его.

Тогда я спросил мертвого лучника:

– Разве не ты убил Кекропа? Как можешь ты отрицать это, если убиенный тобой стоит рядом? – Сейчас, когда я пишу об этом, происшедшее кажется мне чрезвычайно странным, однако в тот момент все представлялось совершенно естественным.

– Спу убивал только во время войны, – прошептал мертвый лучник и коснулся своего глаза, как бы скрепляя свои слова клятвой. – Однако справедливости ради Спу непременно убил бы тебя, проклятый невр, чтобы отомстить за него.

– Нам пора, – сказал высокий. – Нехорошо, когда мертвые дольше обычного остаются на земле, и, кроме того, у меня много других дел. Я задержался здесь лишь затем, чтобы сообщить тебе, что моя теща намерена послать свою дочь для встречи с тобой. Смотри, не забудь.

– Я очень постараюсь не забыть, – пообещал я.

Он одобрительно кивнул и сказал:

– Ну а я, если смогу, еще раз напому тебе об этом. Милосердие мне неведомо, я такой, какой есть, но она, возможно, проявит по отношению к тебе милосердие, и я смогу чему-то у нее научиться. Надеюсь, она, по крайней мере, будет справедлива. – Он сделал шаг вниз, и мне показалось, что он спускается по лестнице, видеть которую мне не дано. С каждым шагом он погружался все глубже в землю; мертвые моряк и лучник следовали за ним.

– Прощай! – крикнул я. Потом, сам не знаю почему, прибавил, обращаясь к лучнику:

– А тебя я прощаю! – Он улыбнулся в ответ – странно было видеть эту улыбку мертвеца – и коснулся своего лба.

Потом все трое исчезли.

– Ах вот ты где! – Это был кибернет в сопровождении матроса, вооруженного дротиком. – Тебе не стоит уходить далеко от лагеря одному, Латро. Это опасно. – И он шепотом прибавил:

– Мне только что стало известно, что один из лучников пытался убить тебя. Верный мне человек, который немного понимает их дурацкую болтовню, слышал, как лучники говорили об этом. Помнишь его? – Он указал на матроса, и я покачал головой. – Я предпочел его другим, потому что он парень крепкий и с тобой уже немного знаком. Он уже сторожил тебя. Его зовут Лисон. Теперь он не должен оставлять тебя одного... ну и ты не должен никуда от него уходить, понял? Таков мой приказ.

– А того лучника, что хотел убить меня, звали Спу? – спросил я.

– Да, а что? – удивился кибернет. – Откуда ты знаешь?

– Я только что разговаривал с ним. По-моему, это был простой честный человек.

Кибернет удивленно посмотрел на Лисона; тот недоверчиво качал головой, уставившись в землю.

Кибернет откашлялся и сказал:

– Ну что ж, если снова встретишь этого Спу, прежде чем мы сами найдем его, не забывай, что он может оказаться и не столь дружелюбным. Надеюсь, впрочем, что Лисон тебя одного не оставит.

И теперь Лисон действительно постоянно рядом со мной, хотя в данный момент он спит. Не сплю лишь я один, да еще мой чернокожий друг и часовые, которых Гиперид оставил сторожить лагерь и корабли. Несколько минут назад я увидел, как очаровательная молодая женщина прыгнула на землю с самого большого из кораблей и подошла ко мне. Я спросил, кто она такая.

– Ну как же, Латро, – улыбнулась она, – ведь ты столько раз за последний день повторял мое имя! Но, может быть, ты рассчитывал увидеть такую полнотелую красавицу с рыжими волосами? Если хочешь, я могу стать и такой.

– Нет, – сказал я, – сейчас ты куда красивее, чем та картинка на парусе.

Улыбка исчезла с ее уст.

– И все же простым девушкам везет больше, – вздохнула она. – Спроси хотя бы свою крошку Ио.

Я не понял, что она хотела этим сказать, и, по-моему, она догадалась об этом, однако ничего пояснять не стала.

– Я хотела лишь сообщить тебе, что направляюсь к нашей великой Праматери, – промолвила она. – Когда-то я была ее жрицей⁶⁹; и хотя меня давно увезли от нее, возможно, это все еще имеет какое-то, пусть самое малое, значение. А поскольку ты сегодня так искренне восхищался моей красотой, я попрошу ее быть к тебе доброй.

– А что, она действительно милосердна? – спросил я, припоминая, что говорил мне высокий властелин мертвых.

Европа с сомнением покачала головой.

– Иногда она проявляет необычайную доброту, однако по-настоящему милосердным никого из нас не назовешь, – сказала она и вошла прямо в гору, где для нее приоткрылась дверь.

А сейчас я вижу на корабле другую женщину. Она ходит по палубе в глубокой задумчивости, вся залитая лунным светом. На ней шлем с высоким гребнем, как у Гиперида, в руках щит, на котором видны извивающиеся змеи⁷⁰.

Лицо ее чем-то напомнило мне лицо Оиора – оно было у него таким, когда я оглянулся и увидел, как он склонился над мертвым лучником. А когда я впервые повстречал его на берегу и позже, когда мы разговаривали в темноте на холме, его загорелое лицо было таким же открытым, как у всех наших матросов, хотя в нем и не хватало свойственной эллинам живости и лукавства; лицо Оиора было суровым, простым, и чем-то он, пожалуй, напоминал рабочего быка или боевого коня. Наверное, в этом мы с ним отчасти похожи, и именно потому он мне так нравился.

Однако в тот момент, когда я, уходя, обернулся, лицо его показалось мне совершенно иным, хотя все черты вроде бы остались прежними. Теперь оно скорее напоминало лицо ученого, причем явно интересующегося черной магией, или лицо мудреца, который свою премуд-

⁶⁹ Европа – дочь финикийского царя Агенора, похищенная Зевсом. Исконно хтоническое божество. Хтоний – подземное царство мертвых. В Беотии отождествлялась с Деметрой и считалась супругой Зевса, а ее сын Трофоний был хтоническим демоном. В Сидоне Европу отождествляли с богинями Селеной и Астартой. Она наделена растительными и животными функциями и объединяет весь космос, включая небо, землю и подземный мир; часто отождествляется с Луной.

⁷⁰ Афина, богиня мудрости и справедливой войны, являлась и покровительницей змей. Непременный ее атрибут – эгида, шит из козьей шкуры с головой змеевласой Медузы, который обладает огромной магической силой, устрашая богов и людей.

рость от людей скрывает и использует им во вред. И еще: глядя на мертвого лучника, Оиор улыбнулся и погладил его по бледной щеке, как мать гладит своего ребенка.

Это мне необходимо запомнить.

Глава 12

БОГИНЯ ЛЮБВИ

Хозяйка голубей⁷¹ некогда благословила эти места, посетив их.

Однако варвары сбросили ее статую с пьедестала, и обе руки оказались отбиты. Мы с чернокожим поставили статую на прежнее место – весьма благочестивый поступок, как говорит Пиндар, полагая, что это безусловно поможет нам за-воевать расположение богини. И хотя отколотые руки статуи лежат на земле вместе с мраморными голубями, что застыли на пальцах, все равно – она самая прекрасная из богинь.

Впрочем, сперва мне следовало бы написать о том, что случилось раньше, пока я еще это помню. И событий было не так уж мало.

Мы вошли в Саламинский пролив поздним утром, но все вокруг окутывал густой туман. Первое, что я ясно помню, – это множество хижин, карабкавшихся по крутым и высоким берегам острова Саламин; большая часть хижин была без крыш.

Именно здесь, по словам Гиперида, афинские беженцы спасались от воинов Великого царя, и многие остались там даже после окончания знаменитого сражения, опасаясь возвращения вражеского войска. Теперь же, когда и на суше над персами была одержана решительная победа, беглецы стали покидать свои жалкие хижины и возвращаться в Афины.

На восточном побережье острова имеются три удобных бухты, а сам город Саламин расположен на юге, и там по-прежнему проживают наиболее богатые из переселенцев, поскольку устройство тамошних домов обошлось им недешево, и теперь оказалось жалко бросать роскошные виллы. По словам Гиперида, мы должны зайти в среднюю бухту и забрать некоторое количество наименее обеспеченных переселенцев, чтобы отвезти их домой.

⁷¹ Афродита, греческая богиня любви и красоты малоазийского происхождения. В культе Афродиты священными считались мирт, голубь, воробей и заяц; к тому же голубь – древний символ плодородия. В Афродите соединились черты семитской богини плодородия, любви и неба Астарты с обликом малоазийской Великой Матери. Служение Афродите часто носило чувственный характер; она считалась даже богиней гетер (Каллеос называет ее своей богиней), и сама именовалась гетерой и блудницей. Проституция рабынь при храмах Афродиты пришла, очевидно, с Востока. Сын Афродиты от бога войны Ареса – бог любви Эрот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.